

СЕРГЕЙ ЛАТЫШЕВ

В ПЛЕНУ ЧЕРНОРУССИИ
ВМЕСТЕ, НАВСЕГДА

Сергей Латышев

**В плену Черноруссии.
Вместе, навсегда**

«Издательские решения»

Латышев С.

В плену Черноруссии. Вместе, навсегда / С. Латышев —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-853042-5

Вот уже более трех месяцев, как степной аэродром, находящийся в дали от любых поселений, потерял связь с цивилизацией. В преддверии холодной зимы контрабандист Семён решает лететь в ближайшую часть Черноруссии, которая была закрыта на карантин в связи с вспышкой неизвестного вируса.

ISBN 978-5-44-853042-5

© Латышев С.
© Издательские решения

Содержание

От автора	6
Глава 1	7
Глава 2	24
Конец ознакомительного фрагмента.	35

В плену Черноруссии. Вместе, навсегда

Сергей Латышев

Дизайнер обложки Дарья Буткова

© Сергей Латышев, 2017

© Дарья Буткова, дизайн обложки, 2017

ISBN 978-5-4485-3042-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

Действия данной книги происходят в вымышленной стране, под названием Черноруссия. Данная территория является одной из бывших республик СССР и располагается примерно на месте Астрахани, но имеет более гористый ландшафт. Каспийское море здесь было так же изменено на Зелёное. Не смотря на моё стремление к большей реалистичности, некоторые моменты полёта, навигации и машиностроения были упразднены в виду обстоятельств. Так же в книге присутствуют некоторые отсылки к играм, артам и фанфикам.

Глава 1

Солнце начинает клониться к горизонту. Прохладный ветер с легкостью проходит через разбитые окна. Пение птиц постепенно сменяет звон сверчков. Лишь только шум листвы, не угасает с наступлением сумерек. Потускневшие от влаги узоры на обоях лишь ещё более омрачают ситуацию, в которой я оказался. Хоть у меня и нет с собой календаря, сегодня точно воскресенье. Да уж, эти выходные выдались весьма насыщенными. На всю жизнь запомнятся. ...при условии, что мне удастся выжить в принципе. Никогда прежде мне не доводилось писать дневников, но в данной ситуации мне не представляется возможным каким-то ещё иным способом рассказать кому-нибудь о случившемся. Скоро наступит ночь. Постараюсь описать как можно больше, прежде чем лягу спать на грязной и холодной кровати под звуки ночной Черноруссии.

Меня зовут Семён. Я всего лишь контрабандист. Так получилось, что мне пришлось занять крупную сумму денег у некоторых мутных лиц и до недавнего времени отработывать её, путём перевоза запрещённых грузов на самолёте. Этим заинтересованным людям был необходим пилот, а мне необходимы были средства. Так мы и сошлись. Я не всегда знал, что на этот раз сунут мне в трюм. Обычно там были разного рода краденные драгоценности, предметы искусства и антиквариат. Но иногда даже наркотики. Рисковал я конечно, конкретно «сесть» и на долго, если что-то пойдёт не так. Путь за штурвалом пролегал на восток от Зеленого моря через степи Казахстана, с дозаправкой в промежуточном аэродроме и далее на юго-восток. Так же обратно. Однако во время очередного планового полета мы застряли на промежуточном аэродроме. К моменту нашего прибытия там не оказалось топлива для дозаправки и пришлось ожидать бензовоза. Такое недоразумение в несколько дней было в порядке вещей, поэтому мы и пустили дело на самотек. Спустя пару недель местный «диспетчер» начал первые попытки связаться с братвой, а потом уже и с «цивилизацией». Но они не увенчались успехом. Радио предательски молчало. Оно не было повреждено, ведь это было довольно легко проверить, просто настроившись на волну диспетчерской внутри самолета. Единственная машина, которую мы отправили в конце июня, не вернулась. Этот аэродром находился в бескрайних степях Казахстана. С грунтовой полосой и по документам, заброшенный. Топлива в нашем самолете было мало и вернуться до начального пункта не получалось. Садиться в России тоже нельзя, так как, опять же, по документам, данный самолёт стоит в гаражах где-то под Мирославлем. Единственным допустимым вариантом была полоса на востоке Черноруссии, так как её было просто найти, она была достаточной длины для посадки и находилась в непосредственной близости от моря, что даже, в самом плачевном стечении обстоятельств, допускало возможность свалиться в воду. Все же это безопаснее, чем падать на твердый грунт в лес или поле. Однако воздушное пространство данной территории было закрыто примерно за месяц до нашего вылета. По слухам, там произошла вспышка какой-то инфекции.

Около 3-х месяцев, до конца августа, мы ожидали прибытие кого-либо. Зимовать в этом месте не представлялось возможным, так как запасы подходили к концу и было решено лететь в Черноруссию. Нас было трое. Я, второй пилот Дмитрий и приспешник Валера. Мы его так стали называть из-за его возраста. Здесь, на аэродроме посреди тайги, он был самым молодым.

Лучи солнца, пытающегося скрыться за кронами деревьев, все ещё мерцали на осколках стекла, торчащих из рам окон. «Хозяевам необходимо было бы поставить пластиковые» – почему-то промелькнуло у меня в голове. Совсем сбился с темы. Хотя всего пару мгновений назад мысли были совсем о другом. Моя жена часто говорила, что я летаю в облаках. Хотя, в конечном итоге, начал это делать не только в переносном смысле, но и в буквальном. Жаль, что она уже не смогла это видеть.

Я замер на мгновение и перевел взгляд на свою шариковую ручку. Точнее она и не моя вовсе. Я её нашел. Как и эту записную книжку. Как и этот стол со стулом. Как и весь этот дом, служащий мне сейчас маленьким убежищем. Деревянные двери с виду очень тонкие, но и хозяйева устанавливали их точно не в расчете на то, что придется использовать в качестве оборонительного сооружения. Не говоря уже о одной единственной защелке, держащейся на шести шурупах и добром слове. К слову о дверях, я не мог не заметить того, что и установлены они были вопреки правилам пожарной безопасности. То есть открывались во внутрь помещения. Это же дает и дополнительный минус в обороне – такую дверь проще выбить снаружи. Однако, тяжелый шкаф, установленный под наклоном на дверь, слегка увеличивает мои шансы на спокойную ночь. Как говорится – лучше, чем ничего.

Мои мысли прервало пение сверчков, накатывающей все большей и большей волной. От солнца остался лишь небольшой алый свод на горизонте. Я стараюсь заранее рассмотреть все варианты развития событий, чтобы уже иметь возможные решения. И вот сейчас мне предстоял выбор. Хотелось дописать уже сегодня, но ещё неизвестно, как отреагируют те создания на тусклый свет свечи в окне второго этажа.

Чтобы не мелькать светом свечи в окне, я забрался под стол, поставил свечу на, задвинутый под него, стул и поджег её. Она тоже была найдена в этом доме и имела немного изогнутый вид, так как лежала под давлением в куче бесполезного хлама. Отражение пламени в полированной бронзе зажигалки в одно мгновение скрылось в кармане джинс. Нет, я не курю. Да и никогда не курил. Но при этом всегда носил с собой зажигалку. Это моё маленькое сумасшествие. Когда меня спрашивают, зачем, я обычно отвечаю либо «На всякий случай», либо «А вдруг заблужусь, хоть будет чем костер развести». В центре мегаполиса, конечно, такой ответ был крайне забавен, но вот в текущей ситуации оказался очень даже к месту.

Прокрутив в пальцах ручку ещё раз, я принялся писать дальше.

Субботним утром меня растолкал Валера. Несмотря на то, что и лег спать рано, и уснул практически сразу же, подъем дался мне с большим трудом. Лишь, умывшись холодной водой, удалось отойти от сонного состояния. Зевнув так, словно собирался проглотить футбольный мяч, я направился к ангару. Хотя его таковым трудно было назвать. Скорее большой деревянный сарай, в котором стоял наш летательный аппарат. Загрузка вещей и прогон двигателя были произведены ещё вчера. Так что сегодня осталось только погрузить нас самих и улететь. Честно говоря, как только я снова сел за штурвал, то понял, на сколько соскучился по небу. По спускам и подъемам, по облакам, обволакивающим корпус, по мелким домам, мелькающим где-то внизу под шум винтов двигателя.

Одно мгновение и мы уже летели над вечно зелёной хвоей таёжных лесов и желтеющими лиственными деревьями, встречающиеся всё чаще и чаще, по мере продвижения на запад. За час пути мы проделали путь примерно в 350км. Дмитрия же начала сильно беспокоить мигающая лампочка топливного бака.

Перелет через зелёное море сопровождал нас блеском волн, отражавших утреннее солнце. Едва различив каменистый берег Черноруссии, мы плавно начали снижаться. Погода стояла ясная и нам без труда удавалось разглядеть пустынный берег. К сожалению, диспетчерская аэропорта Красностава так же не отвечала, сколько не старался Дмитрий. Однако было ещё кое-что, что добавило тревоги во всю эту суматоху. У скалистого побережья на юге от Светлоярска находился грузовой корабль. Там было слишком мелко, чтобы он смог туда заплыть. Если конечно... если конечно он не потерпел крушение. Не очень понятно, как это могло произойти. Ночью он мог и не заметить скалы, но ведь должен был работать маяк, а если у него отказало управление, то из Светлоярска или Березино наверняка могли бы прислать буксир.

Но я не делал таких выводов в слух, так как нам предстояло ещё дотянуть до аэродрома, не рухнув в поле или, того хуже, где-нибудь в лесах. Дмитрий безответно передавал сигнал дис-

петчерской о бедствии и запрашивал аварийную посадку. Наворачивать круги вокруг полосы не было возможности, так как в любой момент двигатель мог остановиться и я принял решение садиться сразу же.

Уже на подлете стало видно, что аэродром чист и можно совершить посадку без вероятности столкновения с другим самолетом. Выпуск закрылок, шасси, штурвал на себя и резкая тряска объявила нам о соприкосновении колес с бетонными плитами посадочной полосы.

Докатившись практически до самого конца, мотор издал последние журчания и заглох, лишившись остатков топлива. Окинув взором терминал аэродрома, меня пронзила дрожь. Судя по молчанию Дмитрия и Валеры, с ними случилось тоже самое. Строение выглядело не то, чтобы пустым, оно казалось абсолютно заброшенным. Двери выбиты и валялись рядом со входом, а окна разбиты. В добавок к этому, рядом с пустующим ангаром стояли сгоревшие БТР и патрульная машина.

Стоит ли говорить, что никто не вышел даже поинтересоваться, что это за самолет стоит посреди полосы, который даже не получил разрешения на посадку. Я открыл дверь и в кабину тут же ворвался свежий прохладный осенний воздух. Вывалившись на улицу, мы огляделись по сторонам. Ни души. Даже из города не было слышно никаких звуков. Только шум листвы, пение птиц и жужжание пчелы, крутящейся возле нас. Похоже она тут единственная, кто решил встретить незваных гостей.

Мы с Дмитрием начали движение в сторону терминала. Но наше молчаливое шествие прервал голос Валеры, раздавшийся позади.

– А разве не нужно убрать самолет с полосы? – сказал он. Мы резко остановились и обернулись. Похоже нашего недоумевающего взгляда, означающего бессмысленность данного мероприятия, было недостаточно

– Думаешь кому-то ещё придет в голову садиться в заброшенном аэропорту? – ответил Дмитрий – Если только не таким же, как мы.

Валера же не стал возражать и молча пошел вслед за нами.

Терминал был действительно заброшен. Ступая по грязному замусоренному полу, мы проверили все комнаты и диспетчерскую. Везде был суший бардак. Как будто кто-то здесь устроил целый погром. Стулья и столы были разбросаны по всему помещению, шкафы и тумбы открыты, а их содержимое гнило на бетонном полу. Не смотря на это практически вся аппаратура была на месте и ей даже можно было воспользоваться, если бы влага, попадающая через разбитые окна во время дождей, не испортила часть оборудования.

– Здесь что-то не так – раздался голос Дмитрия.

– Ты прав – согласился с ним я. – Если это место заброшено, почему здесь так много ценных вещей? Аппаратура, инструменты... Мародеры бы вытащили отсюда всё под чистую. Посмотри, даже медные кабели до сих пор на месте – и указал пальцем на потолок, вдоль которого проходила череда, связанных между собой, множеств проводов.

– Может всех эвакуировали во время эпидемии? – вмешался Валера – Я бы пока ничего не трогал, вдруг что-то заразное.

– Но мы даже не знаем, что эта за болезнь была. И была ли она на самом деле? – Дмитрий громким басом прервал его.

– Очевидно, что была... В любом случае, давайте сначала сходим в город – добавил я.

– Точно! – Воскликнул Валера – Даже если никого нет, наверняка мы найдем там какие-нибудь газеты, или плакаты, или листовки... В общем что-нибудь, что разъяснит нам ситуацию, и укажет, что делать и куда направляться. – И только мы с Дмитрием одобрительно кивнули, как Валера с ухмылкой добавил – А самолет всё-таки надо убрать.

Воздушное судно без топлива угнать проблематично, но и мы не знали, когда вернёмся за ним, да и груз нельзя бросать вот так посреди полосы. Хотя был вариант того, что, возможно, нас прям из города заберёт какой-нибудь патруль и вывезет в лагерь беженцев. Напрягаясь

до разрыва пупка, мы загнали наш летательный аппарат в открытый ангар. Над ним красовалась надпись посеребрившими, некогда красными буквами «Аэроклуб». Здесь было также грязно, однако практически все инструменты были на своих местах. Видимо громить тут было нечего. Одна дверь ангара была немного вогнута внутрь и не поддавалась движению, так что пришлось оставить так как есть, лишь с одной закрытой створкой. По крайней мере защитит от дождя. Ну и брезентовое покрывало, найденное в углу, обеспечит некоторые укрытия от ненужных глаз, будь то человек или пришлый зверь.

Выйдя из затемненного ангара, в лицо дал яркий полуденный свет. Солнце находилось в небе на своем осеннем пике и пока грело не плохо. До города было всего пара километров по дороге в гору. Мы закинули свои небольшие пожитки на спины и отправились по асфальтовому покрытию в сторону леса. Город располагался на юго-западе. Из-за макушек деревьев было даже видно крест местной часовни и несколько крыш домов, находящихся на вершине холма. На западе находился местный колхоз, чьи поля тянулись от аэродрома и далеко на север. Не знаю, что именно на них произросло прежде, но сейчас там виднелся только бурьян, амброзия и прочие сорняки.

Шесть ног стучали ботинками по асфальту, из трещин которого то тут то там просачивалась трава. Меня начали терзать сомнения, встретим ли мы вообще кого-нибудь там. Такое чувство, что всех эвакуировали уже давно, установили жесткий карантин и никто сюда больше не заявляется. В таком случае нам останется только найти авиационный бензин, заправить баки и лететь дальше.

Пройдя через небольшую рощицу, мы оказались на перекрестке. Очевидно, что дорога от аэродрома примыкала к главному шоссе. Ориентируясь по знакам, мы свернули направо и направились на запад, напрямиком в город. Наше молчание нарушил Валера. Он был самым молодым и наверное, от этого, более разговорчивым.

– А что вы слышали об этой эпидемии? – сказал он слегка с задоринкой, чтобы расшатавать наше унылое состояние.

– Да наверное, не больше, чем и все. – ответил Дмитрий – Какая-то инфекция, карантин. Больше ничего.

– Может нам нужно ходить в респираторах, или противогазах, или в костюмах химзащиты, мм? – не унимался наш приспешник.

– А у тебя там в кармашке есть три полных костюма химзащиты? Так распаковывай скорее! – Не удержавшись, уже съязвил я.

На что Валера лишь отрицательно покачал головой и опустил взгляд. Похоже разговор с суровыми злыми дядьками ему не удался.

Но не прошло и пары минут, как Дмитрий указал рукой вперед и сказал – «Вон и дома». Деревья, растущие по краям дороги, скрывали обзор, но как только мы вышли из-за поворота, в паре сотен метров показался небольшой одноэтажный жёлтый домик с полуметровым деревянным забором, покрашенным в белый цвет. Мы ускорили шаг на столько, что за нами образовался небольшой ветерок, от которого сдвигались с места некоторые опавшие осенние листья, слетевшие не так давно с желтеющих деревьев. Осень только начала свое наступление и иногда по утрам было действительно прохладно. Зато днем и вечером лето всё ещё давало знать о себе, неустанно грея своим теплом.

«Ещё пара неделек и начнется сезон дождей» – подумал я – «а после будет уже действительно прохладно. Ну, может ещё бабье лето какое-нибудь нагрянет на недельку, да и только...»

Уже на подходе к первому дому, позади стало видно и остальные. Этот дом определенно был пуст. Нам даже не нужно было заходить внутрь, чтобы убедиться в этом. Двери на распахку, окна выбиты и тропинка к дороге начала зарастать травой. Людей не было всего пару месяцев, а природа уже начала брать свое. В последующих домах ситуация была не лучше.

Мы добрались до перекрестка и остановились. Слева был местный супермаркет, с практически отсутствующим товаром на полках. Это не трудно было увидеть через разбитые оконные проёмы. Справа же располагалось несколько двухэтажных домов. Выше по главной дороге виднелся местный полицейский участок.

«И только мёртвые в поле с косами стоят. И тишина...» – пробормотал Дмитрий, разглядывая всё это запустение. Но тут где-то со стороны двухэтажных домов послышался звук металла. Как будто какое-то ведро упало. Валера тут же улыбнулся Дмитрию, махнув рукой, воскликнул – «Брехня!» – и быстро зашагал по дороге на звук. Но не успел он добраться до дома, как из-за угла вышла какая-то девушка. Или Женщина. Трудно сказать кто. Не мог определить тогда, и уж тем более не смогу сказать наверняка и сейчас. Да это уже и не имеет значения. Она выходила не очень быстро и шла как будто через дорогу, совершенно нас не замечая. Одета была в некую клетчатую рубашку тёмно-синего цвета и серые джинсы. Вся эта одежда была очень мягкой и грязной. Лица же не было видно из-за длинных слипшихся чёрных волос, свисающих чуть ниже плеч. Валера тут же крикнул – «Эй!». Хотя за секунду до этого я успел обратить внимания на кисти её рук. Кожа была бледно-синего цвета с серыми пятнами. Прямо в тот момент я не мог понять, что за пятна это были. Но теперь уже знаю наверняка. Это были трупные пятна. Валера в этот момент уже был слишком далеко от нас и я не успел бы никак предупредить его об этом.

Шок и оцепенение. Вот что мы испытали, когда она повернулась на крик. Причём не просто повернула голову, как делают все обыкновенные люди. А развернулась всем корпусом, немного пригнувшись. Это движение больше походило на повадку зверя. Хищного зверя. Это сейчас, сидя в относительном тепле и столь же относительном уюте, я могу рассуждать и оценивать случившееся, но на тот момент всё происходило слишком быстро.

За окном уже была ночь, а ветер всё не стихал и сквозняк из окна заставил меня немного поёжиться. В шкафу моего временного убежища лежали кое-какие вещи, большинство из которых сегодня ночью прослужат вместо одеяла. Я взял с матраса коричневое пальто и накинул на себя сверху. Все эти вещи были женские. Но кого сейчас волнует эта мода? Хоть в трусах на голове, главное, чтобы тепло было. В окне не удалось разглядеть ничего. Может если встать и подойти поближе? И только сейчас до меня дошло, что днём нужно было прикрыть дыры в окнах какими-нибудь досками или картонкой. Заодно и свет блики свечи на стенах скрыл бы. Что-то я не подумал.

Итак, когда та женщина, или то, чем она стала, повернулась к нам лицом, дрожь пробежала по телу. Морда была таким же бледно-синим цветом, как и руки, с одинаково серыми пятнами. В добавок к этому из глаз, носа и рта выделялись засохшие темные ручейки. Вполне возможно, что это была кровь. Кровь, застывшая очень давно. Но не успели мы как следует рассмотреть и насладиться этим зрелищем, как эта дама, трясаясь и кряхтя, словно автомобиль «Лада», резко побежала в сторону Валеры. Мы продолжали стоять и смотреть, не зная, как реагировать. Раньше никто из нас подобного не видел. Разве что в фильмах про зомби. Но то были фильмы, а это реальность. И неизвестно, кто или что перед нами. Едва Валера сделал шаг назад, как она запрыгнула на него, повалив на землю. В душе конечно каждый мужчина мечтает, чтобы на него так все девушки вешались, но определенно не те, кто, как оказалось, уже наполовину мертв. Не успел Валера что-либо понять, как её зубы тут же вцепились в его горло, оторвав кусок мяса. Кровь брызнула на асфальт и громкий крик вывел нас из транса. Дмитрий, не долго думая бросил свою сумку, разбежался и в прыжке схватил супостатку, оторвав от Валеры, укатившись вместе с ней на обочину. Я же, бросился на помощь пострадавшему, но было уже поздно. Наш друг держался за шею, уже не в состоянии что либо произносить. Кровь брызгала из-под пальцев и ручьём лилась на теплый асфальт. «Держись, Валера!» – судорожно произнёс я, и попытался рефлекторно просто зажать кровоток рукой. Он взял меня окровавленной кистью за запястье. В его широко распахнутых глазах смотрелись

отчаяние и ужас. Он отчетливо понимал приближение смерти, как и понимал, что ничего изменить нельзя. Оторвав голову от земли, Валера всхлипнул ещё пару раз и закончил свою борьбу. Его кисть разжала мою руку и вместе с головой упала на дорогу. Я же, не в состоянии, что либо делать продолжал держать за его шею, хотя и понимал, что всё уже кончено. Оцепенение снова накрыло меня и снова закончилось криком, но уже Дмитрия – «Семён, помоги!» Я резко повернулся в сторону обочины дороги, куда укатилась эта парочка. Дмитрий лежал на спине, обхватив её сзади двумя руками. Что-то внутри подсказывало, что диалога с этой женщиной у нас не выйдет. По этому, ничего не остаётся, кроме как пойти на убийство. В моих руках не было достаточно физической силы, чтобы проломить человеческий череп. Я быстро окинул взглядом ближайшее окружение на предмет холодного оружия. К счастью, прямо возле дома валялся небольшой ржавый гвоздодер. Ноги понесли меня туда и схватив этот весомый аргумент, я уже собирался направиться к Дмитрию, как вдруг он воскликнул – «Сзади!» Ещё бы секунда и, скорее всего, моя судьба закончилась также, как и у Валеры. Всего в паре-тройке метров, в мою сторону очень быстро направлялся ещё некто. На вид, это был мужик лет 40. Ключевое слово здесь – был. А стал подобием той, которую держит сейчас в своих крепких объятиях, Дмитрий. Кожа была такой же бледной, с трупными пятнами и засохшей кровью, вытекшей из всех щелей, в том числе и ушей. Удар на наотмашь гвоздодером и характерный хруст объявил о достижении цели. Тело пролетело рядом со мной и укатилось на обочину. Я проследовал взглядом за ним и тут же снова на секунду оцепенел. Вдалеке, по полям из лесу, бежали ещё какие-то тела. Из-за гаражей, углов выглядывали всё новые и новые. То тут то там из густой травы поднимались другие наполовину мёртвые люди. И лишь крик позади меня снова выбило меня из состояния оцепенения. Через дорогу на меня уже несло сразу двое. Один был чуть дальше второго, что позволило мне, долбануть их поочередно. Обхватив гвоздодер двумя руками, я замахнулся слева на право и разнес врагу голову вдребезги. Куски разлетелись во все стороны, попав на меня, что слегка ошарашило. Другой враг, видимо воспользовавшись моим замешательством, не долго думая, сделал свой прыжок и мы свалились на асфальт. В падении гвоздодер выпал из рук и оказался в недосягаемости. Целью этого существа была не какая-то конкретная часть тела, а именно шея. Он тянулся к ней, урча и стуча зубами. Но в тот момент ему никак не удавалось до неё добраться, так как мой локоть держал его голову на расстоянии. Если бы не твёрдая кость, одной силой я бы его явно не удержал. Так как он, схватив меня своими бледными руками за плечи, с какой-то невероятной силой, тянул к себе. Во всей этой суматохе я снова услышал Дмитрия. И это были не слова, а крик. Собрав всю волю в кулак, я начал наносить удары по лицу свободной правой рукой. Этот полутруп оказался на редкость не чувствительным к моим нападкам. И после каждого тычка всего лишь немного откатывался в сторону, в подобии маятника. В конце, когда амплитуда его колебания оказалось достаточной, я подготовился к решающему удару, собрал всю волю в кулак и сделал рывок к его челюсти. Удачным размахом удалось перевалить его и оказаться сверху. Монтировка, к несчастью, была в другой стороне и теперь находилась ещё дальше. А враг по-прежнему кричал и пытался тянуться ко мне. Заметив боковым зрением небольшой серый камень, на обочине дороги, моя рука быстро схватила его. Этот булыжник был не большой, полностью влезал в кулак, но он имел форму капли. Я поместил тупой конец камня в ладони и стал наносить штыковые удары по лицу. Снова и снова. Десяток ударов и морда врага превратилась в серо-синее месиво. Только после этого оно перестало двигаться и отпустило мои плечи. Я отпрянул и начал тяжело дышать, повернув взгляд на Дмитрия. Точнее теперь можно было видеть только его ноги. Сверху над ним находились уже четверо понаехавших, включая ту, первую. А так же со всех сторон раздавались урчания и топот.

Можете счесть меня трусом или закидать гнилыми помидорами. Но я убежал. Возможно я и мог тогда спасти Дмитрия. Возможно. А возможно бы и погиб вместе с ним. Их было слишком много. Бегали они не очень быстро. Но факт того, что они бегали не дало бы мне

возможности перебить их поодиночке. Я бежал без остановки и без оглядки. Через лес. Это сейчас я понял, что бежал на восток. А тогда просто бежал. В основном, путь пролегал через хвойные и смешанные рощицы, а иногда сменялся, заросшими травой, полянками. Я как-то даже пробежал через сельскохозяйственные угодья, но чередой деревьев по кругу, посаженных для защиты посевов от ветра, не позволяли мне определить, в какой именно стороне находился местный колхоз. Я никогда прежде не бежал так долго и без остановок. Лишь перебравшись через железнодорожные пути передо мной возникло шоссе, за которым начиналось безбрежное зеленое море. Когда-то в детстве отец рассказывал историю о том, как один древне-греческий гонец, бежал сорок два километра без остановок, чтобы сообщить своему владыке о приближении армии врага. И как только он сказал свои слова, его сердце остановилось. Моё сердце не остановилось в тот момент, но силы уж точно иссякли и тело свалилось на траву у песчаного берега. Да даже если бы сердце и остановилось. Это всё же лучше, чем быть заживо съеденным.

Обычно, после тяжелой физической деятельности, люди спят очень крепко и в таких ситуациях сны не видят. Но я видел. Ну или запомнил потому, что проснулся не от того, что выпался. Во сне я ходил по аэродрому в Мирославле и искал первого пилота. Почему первого? Ведь я и так уже капитан. Я никогда не был вторым пилотом. Если не считать моё обучение в летной школе. Однако, не смотря на то, что искал я только одного человека, на аэродроме не было ни души. Как будто все люди занимались своей деятельностью и в раз исчезли. На своих местах стояли некоторые пассажирские самолёты с подогнанными трапами. То тут, то там стояли погрузочные машинки с прицепами, в которых были нагромождены рюкзаки всех размеров и расцветок. Ангарты, тянущиеся от терминала почти до конца полосы поигрывали блеском жести. И тут задул ветер. Холодный и пронизывающий. Как черви, заползающий во все щели между складками ткани и словно горячим лезвием, обжигая кожу. Прямо в щеку врезалась снежинка. Через секунду растаявшая и превратившаяся в небольшую капельку, раскачиваемую нарастающим ветром. Затем ещё одна и ещё. А после глаза стала закатывать пелена попадающего в глаза снега. Огромными белоснежными хлопьями, гонимые ветром и заволакивающими всё вокруг. Снежный ветер перешёл в метель, и начал хоронить под слоем снежинок всё, что было вокруг. Сначала бетонные плиты под ногами превратились в бесконечный белый ковёр, уходящий в туман. Потом едва различимые силуэты машин превращались в снежные холмы. Я хотел было сделать шаг в сторону терминалов, но не смог оторвать ног от земли. Они как будто примёрзли. Потом снова. И снова. Где-то в глубине некий внутренний голос подсказывал – «Борись! Не сдавайся». Я собрался и дёрнул ногой со всей силы и, словно вместо ноги, выдернув душу из сновидения, открыл глаза.

И проснулся я действительно от холода. Земля, на которой моему тельцу пришлось провести ночь, уже остыла. Конечности и весь правый бок, включая ту же половину лица, немного онемели. Это было раннее утро. Часов пять или шесть. Солнце ещё не встало, но уже было достаточно светло. Не было никаких звуков. Один лишь плеск небольших волн у моря, нарушал тишину. Не знаю, какая была температура воздуха, но точно не больше десяти градусов. Надеюсь, я тогда не подхватил пневмонию или ещё чего. Подняться было очень трудно. Как будто сегодня на улице первое января.

«Где ты, дедушка мороз? Дай мне шубу, я замерз.»

Наконец поднявшись, покрутился по сторонам, но ничего не было видно дальше пары десятков метров из-за сильного тумана. Из одежды на мне были лишь синие однотонные джинсы, рубашка и майка. Ну и кроссовки, затёртые, хотя без дыр и обещающие прослужить ещё... какое-то время, если только булжники не пинать. А в карманах оказалась одна зажигалка.

Растирая руки и выпуская на них пар изо рта я пошагал в сторону шоссе. И лишь сделав несколько шагов, пустой желудок дал о себе знать. И действительно, в последний раз я ел вчера утром. Все мои пожитки остались на дороге в Красноставе. В брошенном рюкзаке.

Дойдя до шоссе у меня было только два варианта. На лево или на право. Из этой местности я знал расположение только больших городов. Но учитывая то, что совершенно не представлял, где нахожусь, трудно было сориентироваться. В этом тумане разглядеть направление тоже не удастся. И я пошел на лево. Почему на лево? Потому что ходить на лево, это хотя бы звучит.

В любой ситуации ищи что-то хорошее и пережить её будет проще, какой бы дерьмовой она не была.

Сейчас у меня была возможность обо всём поразмыслить и взвесить. Кто это был? Живые мертвецы? Настоящие зомби? Это и есть та инфекция, о которой говорили? По этому здесь введен карантин? Неужели военные не смогли это остановить? И выжил ли вообще кто-то? Может инфекция одолела вообще всех людей? Потому здесь и не было мародеров. Может я и сам уже заражен? Если да, то сколько мне осталось? Я остановился на мгновение и взглянул на свои руки. Они были в крови. Хоть и засохшей, но все ещё красной. Я свернул с дороги и дошел до моря. На улице и без того было холодно, так тут теперь в добавок и прохладная морская вода. Умывая руки и глядя на волны, уходящие в туман, к моему голоду прибавилось чувство жажды. Морская вода слишком солёная, но если её перегнать путём кипячения и сбора пара, можно создать вполне пригодную питьевую. Но, кроме зажигалки, у меня с собой ничего нет, так что придется пока идти дальше. Может найду где какую водокачку. Отмыть пятно крови на правом рукаве рубашки обычной водой не удалось. Даже только если бы кровь только что капнула на ткань, уже полностью смыть бы не получилось, а тут засохла – совсем гиблое дело. Без порошка или хотя бы мыла, не обойтись. Я встряхнул руками, чтобы сбить последние капли и вернулся обратно на дорогу, чтобы продолжить мой путь налево.

Что касается моих напарников. Хоть я и работал с ними некоторое время, да и остался в одиночестве, чувство большой утраты не испытывал. В следствии безвыходной ситуации, мне приходилось их терпеть. Человек, некогда сидевший в тюрьме и имеющий у себя на теле синие наколки, никогда не вызовет у меня уважения. Даже там, на аэродроме в степи, я был не слишком разговорчив. Предпочитал дело болтовне. Наверное, только по этому, толпы бывших и будущих заключённых, меня не трогали. Хотя, за свою подозрительную скрытность, погоняло «Шпион», я всё-таки получил.

Через несколько сотен метров из тумана по правую сторону от дороги показались очертания некого строения. Оно было высокое, с трехэтажный дом, но при этом сужалось к вершине. Внизу же проглядывался небольшой металлический забор. И только когда из-за забора потянулась череда крестов и надгробных плит, стало понятно, что это была часовня с, прилегающим к ней, кладбищем. Да уж, для мрачности моего положения только вида кладбища и не хватало. Не знаю, чья это была идея, но располагать могилы рядом с шоссе, да ещё и рядом с морем было как-то... безумно. Похоже местные жители сошли с ума ещё до того, как стали зомби. Заходить внутрь часовни я не стал, так как табличка у дороги «Берёзино», означающая въезд в город, отбило у меня всякое желание продолжать движение в ту сторону. Это был большой город. Больше, чем Красностав. А, следовательно, вероятность быть атакованным кучей зомби, там была в разы больше. Да ещё и этот туман, из-за которого увидеть врага заранее было проблематично. К тому же непонятно, могут ли они видеть. Могут ли чувствовать запах, вибрацию или ещё что-то. Лишь одно было ясно наверняка, на звук они сбегаются, словно мухи на г... варенье.

Я обернулся назад. Туман понемногу начинал исчезать, но по-прежнему имел место быть. Идти на север так же было бессмысленно, так как там, через несколько километров, находился не менее большой Светлоярск. Хоть карты у меня с собой и нет, но уже хотя бы представляю,

где нахожусь. Сориентироваться не составляло труда. Берёзино находился на юге и юго-западе. Светлоярск на севере по дороге. Красностав на северо-западе за холмами. На востоке было море, так что вариант идти туда отпал сам собой. Остаётся только запад. Вопрос лишь в том, где именно запад. Дорога была не чётко прямой с юга на север, а зачастую повторяла контуры берега. Раз компаса нет, придется определить направление с помощью дедовских методов. Вариант с полярной звездой отпадает по понятным причинам. Искать чётко срезанный пенёк и смотреть по кольцам так же было глупо. Осталось только искать мох на камнях или деревьях. Пойду пока налево, а там по дороге разберусь.

И я пошел по большому бесконечному лугу уходящему в туман, предположительно на запад. Трава здесь была всего по колено, но это было утро и я своими джинсами собрал всю росу. Теперь ещё и ноги будут мерзнуть из-за влаги. Зато, с другой стороны, можно было прямо сейчас выжать штаны и получить немного грязной воды. Чувство жажды негласно намекало на скорейшее использование данного метода, но я всё таки решил повременить.

Чем дальше я отходил от моря, тем тише становилось. Гробовая тишина, могильный туман и смертельный холод. Ещё недавно показавшиеся часовня с кладбищем как бы намекают. Отличное сочетание. Только звук шагов по траве ещё как-то привлекал внимание, давая понять, что ещё жив. Через некоторое время я вышел на проселочную дорогу. В колеях практически не было травы. Почувствовав неприятный холод в голених, я оглядел свои бедные джинсы. По мимо того, что они были мокрые, так теперь ещё и все усыпаны налипшими репейником и одуванчиками. Я вышел перпендикулярно дороге, следовательно она должна была идти с юга с на север. Но так ли это на деле? Неподалеку начиналась череда деревьев сельскохозяйственных полей. Вот там и следует начать поиски мха для направления сторон света. Я, с большой неохотой, опять ступал по мокрой траве. Не знаю, что это были за деревья. Честно, даже в них не разбирался. Ну березу от елки может и отличу, а вот ясень от осины уже нет. Но в данный момент меня интересовали не сами деревья, а мох и лишайники, растущие на их стволах. И какого было моё удивление, когда этот самый серо-зеленый лишайник у одного дерева рос с одной стороны, а у двух других, рядом стоящих, прямо противоположно друг другу, причем ни один из этих двух не совпадал с положением первой. «М-да» – сказал я вслух, разглядывая это безобразие – «Какие-то тут неправильные деревья. И мёд у них неправильный. В смысле мох». Я ещё раз огляделся по сторонам. Туман рассеивался и уже было видно за сотню метров, но по-прежнему ни одного строения. Раз штаны и так уже мокрые, то я пошел дальше вдоль череды деревьев. Когда такое расхождение во взглядах лишайников, искать дальше просто бессмысленно.

В скором времени где-то среди деревьев раздались пения птиц. Хоть что-то приятное за сегодня. Как я не пытался разглядеть среди листвы деревьев этих пернатых тараторящих созданий, ничего не получалось. Где-то позади слева, сквозь туман, предположительно из-за горизонта моря, стали проглядывать желтоватые лучи солнца. «Скоро будет восход и будет тепло.» – попытался мысленно подбодрить я себя.

Ещё через пару сотен метров мой путь уткнулся в череду кустарников. Скорее всего это ещё не выросшие насаждения деревьев, для защиты поля от ветра с этой стороны. Можно было их и обойти, сделав небольшой крюк через посадку справа. Как говорится, умный в гору не пойдет, умный гору обойдёт. По этому я и полез прямо через кусты. Благо они не понасажали тут акаций. Ещё с детства помню острые колючки этих деревьев. И как только я выбрался с другой стороны, увидел несколько домов и череду деревьев, высаженных в правильный квадрат и огороженные небольшим забором. Это Берёзино? Не, назад я точно не полезу. На право вдаль тянулось поле – вот, а это как раз будет моим планом «Б», на случай, если опять придется убегать. Я зашагал медленно в сторону ближайшего дома. Он находился сразу за забором с деревьями. Если бы не трава, я бы шагал более уверенно, а так не видно, вдруг в нескольких метрах от меня среди желто-зелёных растений мирно отдыхает несколько живых мертвецов,

готовых вскочить, почуяв залётного гостя. И лишь подойдя к забору и взглянув вверх, мои глаза засверкали как у ребёнка, которому дают долгожданную конфетку. Ведь это были не простые деревья. Это были яблони. А на них висели яблоки. Красивые. Красные с желтоватыми оттенками и наверняка очень сочные. Их сезон уже подходил к концу, но на ветках было всё ещё достаточно. Не говоря об усыпанной ими земле. Голод и жажда заткнули все инстинкты и я, перепрыгнув через забор, поднял руки в небеса и стал гнуть ветки, чтобы добраться до спелых фруктов. Теперь к пению птиц добавился ещё хруст яблока и чавканье. Не лучшее сочетание, но в данный момент меня устраивало. Я оперся спиной на ствол дерева и стал наслаждаться вкусом. Теперь находился лицом к той стороне, откуда пришел. Оказывается, всё это время я поднимался в гору и из-за кустов стало видно вдалеке тот самый берег, откуда начал утренний путь. Нет, это не Берёзино. Видимо какой-то посёлок неподалеку. Туман уже совсем рассеялся. Солнце посылало всё больше и больше своих желтых осенних лучей, прогоняя мрак. Но оно ещё не выглянуло из-за высоких деревьев и по этому не грело. Эта мысль заставила меня поёжиться. Нужно развести костер. Или лучше печь. Во втором случае от меня хотя бы не будет нести костром. Единственное, чего я не люблю в походах – запах костра. Но не саму вонь дыма, а именно вонь дыма от одежды. Шашлыки-то я не прочь поесть, как и все нормальные люди. Ох, зря я о шашлыках вспомнил.

Волшебным образом, затолкав пару яблок в карманы джинс, взяв ещё пару в одну руку, один в другую, а также набив щёки, изображая хомяка, зашагал дальше. Всё ещё аккуратно, но уже не так медленно. Авось, яблоками закидаю.

По факту это оказалась небольшая деревушка где-то в полтора десятка домов, включая пару двухэтажных в центре. Картина запустения была примерно такая же, как и в Краснотаве, за исключением того, что здесь не было зомби. Или, по крайней мере, я не шумел достаточно сильно, чтобы они показались. Всё заброшено и окна выбиты. И вот, стоя в центре деревни... Ну центром это можно было назвать лишь потому, что здесь пересекались четыре дороги и величественно высилось двухэтажное строение с надписью у входа «Администрация». К сожалению, чего именно, указано не было.

В этот момент на автомате шмыгнул носом. «Ну вот, насморк, всё таки простыл» – подумал я. План действий был составлен достаточно быстро. Сперва нужно согреться, после поискать какое-нибудь оружие и еды. Яблоки – это конечно хорошо, но я же не безумная модница-анарексичка, сидящая диете из яблок, а взрослый мужик, находящийся в агрессивной среде и требующий высококалорийного питания.

Я снова окинул взглядом здание администрации. Сверху не было трубы. Мне же нужен был камин или печь, а широкий дымоход являлся бы полноценным свидетельством присутствия данного в здании. Увы, у этого помещения его не оказалось. Возможно дом отапливается газом или электричеством. Оглядевшись по сторонам, я заметил неприглядный дом с почерневшей от старости древесиной брусчатых стен. Над крышей выпирала кирпичная труба с отвалившимися в некоторых местах кусками глиняной облицовки, обнажив красные кирпичи. Я уверенно зашагал туда, но только подойдя к метровому сплошному забору и увидев густоту травы, потерял былой оптимизм. Мало ли кто, или что, может скрываться среди жёлто-зелёных стеблей. Только там, где раньше была тропинка к дому, трава почти не выросла. При каждом шаге казалось, что вот вот чья-то серая пятнистая рука вылетит из травы и схватит меня за ногу. А мне даже отбиться нечем. Только пара яблок в руках. Но это лишь пол дела. Ведь кто знает, что ждёт меня внутри. Вполне возможно, что где-то там, за этими мрачными черными стенами в шкафу или под кроватью скрывается страшный монстр. Причём в самом прямом смысле этого слова. Аккуратно ступая по ней и заглядывая в траву по обе стороны, удалось без происшествий добраться до двери. Я осторожно взялся за металлическую ручку и медленно потянул на себя. Дверь охотно поддалась, почти не издавая никаких звуков. Что меня даже слегка удивило. Ожидалось как минимум скрежет давно не смазанных петель и трение скосив-

шимся углом об пол. Затхлого воздуха, который должен ударить в нос тоже не было. Как оказалось, это было вполне логичным, так как пара окон оказались разбитыми. Я зашёл внутрь. Убранство было достаточно примитивно. Стол с двумя стульями, низкая небольшая кровать, высокий коричневый шкаф, холодильник, да пара ящиков. А, ну и печь. К моему счастью, возле неё оказалось горстка дров. На ощупь они были сухими, а значит разгорятся быстро. Однако их ещё нужно поджечь чем-то более мелким. Ножа, топора или ещё чего-либо для разделки полена на более мелкие части у меня не оказалось. Потому я решил растопить тем, что было в комнате. В ход пошло всё подряд. Ткань, куски стульев, деревянная лопатка и даже коллекция расписных деревянных ложек, висевших на стене. В шкафу не оказалось ничего, кроме нескольких пустых плечиков для одежды и пары изношенных мокасин, которые, к слову, отправились тоже в печь. В одном из ящиков нашлись несколько книг. Их бумага оказалась весьма полезна при растопке. Один обломок ножки стула я приберёг в качестве примитивного штыкового орудия. Щелчок зажигалки и блеск возрастающего пламени, скрылся за закрывающейся дверцей печи.

Стоит добавить одно небольшое отступление. Книги, найденные в шкафчике, были на английском языке. Найти в Чернорусской глубинке в старом заброшенном деревенском доме такое было равносильно тому, чтобы встретить настоящего снежного человека, держащего в руках знамя с пацификом и выкрикивающий что-то на своём несурзном языке перед зданием Пентагона. Но всяко это лучше, чем вместо книг, найти зомби в шкафу. Может здесь жил какой-нибудь местный учитель английского? Хотя это же не учебники, а вроде литература. Ну да ладно.

Пока печь разогревалась и готовилась принять большие дрова, я заглянул в холодильник. Бежевый такой, примерно полтора метра высотой, с красной дверцей и надписью «Минск». Очевидно, электричества здесь не было достаточно давно. Внутри стояла трехлитровая банка с чем-то мутно-серым, покрытым сверху слоем плесени, кастрюля с содержимым, о котором мне даже не хотелось знать и не более аппетитный полиэтиленовый мешочек с серо-жёлтым веществом. Местная мышь, от поедания такой непримечательной пищи, наверняка обрела сверх-способности и улетела. Хотя купание в токсинах ещё никого не превратили в супергероя. Я удручающе вздохнул и закрыл дверцу.

Исследовать в этом маленьком доме было больше нечего. Выходить на улицу я не собирався до тех пор, пока не согреюсь и не обсохну. Вернувшись обратно к печи я прислонился к ней спиной, сложил руки на груди и стал ожидать.

Жизнь несколько похожа на шахматную игру. Хотя многие говорят, что она непредсказуема и всё время подкидывает всякие сюрпризы, в большей же части виноваты мы сами. Как и в шахматах, прежде, чем сделать какое-либо действие, необходимо предвидеть как можно больше шагов противника и варианты отступления или контратаки. Мы сами творцы своей судьбы.

Печь довольно быстро разгорелась и большие дрова отправились в всепоглощающее пламя. Под треск поленьев верхняя металлическая часть печи, предназначавшаяся для готовки, начала накаляться. Садится на такое сейчас было чревато дырой на затылке. Я, поочередно поднимал ногу над печью и нагревал промокшую штанину. Да, гораздо эффективнее было бы снять, да просушить, но вдруг придётся внезапно бежать. Не хотелось бы носиться по просторам Черноруссии в одних трусах. Через какое-то время таких манипуляций, я потрогал рукой штанины и утвердил про себя – высохло, пора выдвигаться.

Припасённый обломок ножки стула оказался в правой руке.левой же медленно открыл входную дверь. Шелест листьев, небольшое покачивание травы и кое-где завывание певчих птиц.

– В Багдаде всё спокойно. – сам над собой уже начал шутить я – Блин, а ведь так и свихнуться же можно.

Мне уже приходилось слышать много историй, а также вычитывать в книгах, где, то тут то там, говорилось о людях, которые сошли с ума от одиночества. Причём кто как, у всех по разному. Но чаще это сводится к разным формам деградации и упадку, к низменным инстинктам: воде, пище, сне и жажде убивать. Почти как те зомби, только в том случае погибло видимо тело, но не мозг, тогда как здесь наоборот.

С этими мыслями я прошагал к калитке, не встретив сопротивления притаившихся партизанских отрядов в траве. И снова тревожные терзания вернулись в мозг, не желающие уходить без решения этой проблемы.

– Деградировать в одиночестве? – подумал я – Не. Это точно не для меня. Лучше уж сдохнуть. Но это я всегда успею. Особенно в этих «гостеприимных» краях. Пока придерживаюсь основного плана, а дальше сообразим. Что там дальше по распорядку: еда и оружие. Ещё к этому бы какую-нибудь курточку добавить. Но то после.

Солнце находилось высоко в ясном небе и без устали грело своим теплом. Если закрыть глаза, на секунду может показаться, что находишься не в посёлке, а на полянке по среди леса. Вокруг только тишина и звуки природы.

Помимо поиска основных ингредиентов я решил попутно узнать, что же всё таки это за посёлок и открыл дверь здания администрации. Изнутри потянуло затхлым воздухом, а в темноте коридора, напичканного дверьми по обе стороны, вдалеке виднелась лестница. Судя по всему ведущая на второй, столь же тёмный этаж. Если поразмыслить здраво, это здание являет собой местный аванпост бюрократии, политики и прочего дерьма. Что здесь может быть кроме кучи бумаг, журналов, канцелярских товаров и прочего офисного хлама. Использовать это как оружие? А еды здесь по определению не может быть. Разве что кто-то из служащих принес банку тушёнки на обед, да не успел съесть. Но маловероятно. Да и идти по тёмному коридору ой как не хотелось. Кто знает, что там ещё может быть вон за тем письменным столом по середине. Я осторожно прикрыл дверь и положил небольшой камешек снизу. Если дверь кто-то откроет, пока я буду рыться в других домах, камешек сдвинут.

Что же, это я не проделал так с тем домом, в котором грелся? – промелькнуло в голове, но тут же напоролось на преграду обоснованных оправданий – пробираться через кусты чтобы положить камень, потом обратно, а потом ещё раз, только чтобы проверить? Нет уж, извольте.

Хотя конечно дым из печной трубы явно выделял его среди всех остальных.

Я развернулся и зашагал к обычному деревянному дому, облицовочные доски которого были выкрашены в жёлтый и голубые цвета.

– Хреновая цветовая гамма – опять начал разговаривать сам с собой – голубой сморится с белым, жёлтый с зелёным. А тут черти что.

Эта избушка состояла уже из двух комнат. Кухни и спальни. Мебели здесь было уже побольше. Помимо стандартного набора кухни, здесь присутствовал диван зелёного цвета. Подле него у стены размещался застекленный сервант с разнообразными рюмками, стаканами и графинами. В дальнем левом углу находился какой-то засохший фикус. Или не фикус, трудно теперь уже определить. В правом углу телевизор на ножках. А между ними у стены небольшая продолговатая тумбочка, над которой висела картина с изображением избитого, но популярного рисунка с озером и горой со снежной шляпкой.

Черноруссия сама сплошь покрыта горами, но более пологих и не настолько высоких, чтобы иметь вершины, не покрытые лесом.

Первым делом я полез в холодильник. И, клянусь, больше никогда не стану открывать их. Такое чувство, что данный агрегат был вовсе не холодильником советского производства, а настоящей газовой камерой, в которой немецкие нацисты убивали пленных евреев. Даже если бы дверца приоткрылась лишь слегка, то едкая вонь протухшей пищи ядовитой струйкой расплзлась бы по комнате, давая понять, какая адская смесь находится внутри этой химической бомбы. Но нет, я же дернул ручку чуть ли не со всей дури, открыв сие творение исчадий

зла сугубо полностью. Снизу на пол полилась зловонная жижа. Почерневшие, маслянистые и провисающие вниз, сквозь решётки, куски гниющего чего-то на нескольких полках, словно пулемёты ударили залпом в обе ноздри, и как гвозди, пробив остриём до мозга, стали проходить дальше холодным металлом через всё тело.

Вонь стояла такая, что даже глаза начали слезиться. Я невольно закрыл лицо левой рукой, слегка отвернувшись, а правой захлопнув дверцу этого проклятого ящика обратно. Голова начала кружиться и тошнота одолела всё тело. Недавно съеденные яблоки уже начали проситься обратно наружу. Лёгкие отчаянно нуждались в воздухе, но ещё один вздох и точно бы упал без сознания, прямо в растёкшуюся под ногами лужу. Наверное пуля, выпущенная с винтовки, не летит с такой же скоростью, с какой вылетел из того дома я. Упав коленями на тёплый асфальт, лёгкие начали жадно вдыхать чистый воздух.

Через минуту, перевернувшись и сев на твердую поверхность, я начал понемногу приходить в себя. На ботинках виднелись налипшие небольшие следы удушливого вещества и ещё не до конца придя в норму, поспешил вытереть обувь об траву, злобно приговаривая – «гадость!»

И вот, я опять стоял перед входом в это мрачное и манящее здание администрации. Безликое и молчаливое. В деревне ещё был с десяток домов, так что заходить сюда я предпочту в последнюю очередь. Ну а в тот проклятый дом вообще не вернусь. От одних воспоминаний о нём, возникает ком в горле.

Следующий дом был также облицован досками, но уже одного оранжевого цвета с серой крышей. Это был компактный квадратный домик, разделённый на три части. Половину занимала кухня с обеденным столом, а вторую половину поделили две небольших комнаты и в центре их объединяла печь. Обстановка была тоже не особо впечатляющей. Кухня со стандартным набором ящиков, да серванта. В одной комнате полуторная пружинная кровать шкаф и телевизор, уместённый на невысокой длинной тумбочке. В другой комнате был размещён ещё один шкаф, диван и письменный стол с лампой. Ах да, разумеется там был холодильник и наученный горьким опытом я его открывать не стал. Во всяком случае, если не найду нигде ничего полезного, открою в конце, чтобы случайным смрадом не затруднять поиски в других местах этой комнаты.

В доме нашёлся длинный кухонный нож, сантиметров двадцать, который заменил мне ту импровизированную деревянную пику. А также тонкий серый свитер с небольшими цветными полосками, расположенными по горизонтали, и кепку тёмно-красного цвета.

Далее я обследовал все остальные дома. Среди них не было ни одного, имеющего одинаковую планировку комнат. Как будто каждый стремился отличаться при постройке своего жилья. Было даже одно кирпичное двухэтажное строение. Либо недостроенное, либо, скорее всего, находящееся на ремонте. Однако в ней присутствовало некоторое количество мебели. В одном из сараев, пристроенных к дому, среди садово-огороднических принадлежностей удалось найти колун. Многофункциональный топор был бы лучше. Он, острее, удобнее и легче. Тогда как колун предназначен только для рубки дров, оттого и сделан тяжёлым, дабы использоваться при падении сверху вниз на чурку. Хотя, если вместо бревна окажется голова «зомбака», то эффект будет даже более разрушительным, но опять же, из-за веса, при промахе шанса на вторую попытку может и не представиться. Сперва я решил, что нож уже более не понадобится и бросил его в том же сарае, но затем вернулся и забрал обратно, когда нашёл консервную банку. Она лежала на боку под одним из кухонных ящиков, видимо закатилась когда-то. Этикетка испортилась от грязи и плесени, оттого узнать о содержимом на глаз не представлялось возможным. В лучшем случае это может оказаться тушёнка, а в худшем... какая-нибудь кабачковая икра или томатная паста. Разумеется, что открывать подобное тупым колуном ничем не лучше, чем круглым булыжником.

И снова я вернулся в центр. Труба над домом, где я грелся, уже перестала дымить. А камешек у двери здания администрации так и лежал. Не знаю, расстроило это меня или наоборот порадовало. С одной стороны, пришлось бы сильно напрячься, если бы камешек был сдвинут. Ведь это может быть как живой человек, так и мёртвый. Причём живой, ещё не известно с какими намерениями. Как добрый, так и злой. То есть шанс один из трёх. Однако, одиночество пугает не меньше.

Солнце уже давно побывало на своём пике и начало опускаться вниз. Вершины сосен на горах, словно тёмно-зелёные пальцы тянулись в небо к этому жёлтому диску. А ветер, всё так же легонько шелестел листьями.

Пора было обследовать это последнее, пугающее и, не вселяющее надежд, здание. Большинство комнат наверняка освещены через окна, но вот коридор первого, только небольшим количеством света, исходящим, через открытый проём входной двери. А вот на верхнем этаже похоже вообще не было никаких источников света. От зажигалки толку мало будет, только разве для того, чтобы вблизи получше разглядеть мелкие предметы, а мне хотелось бы раньше увидеть лежащего зомби прежде чем приближусь к нему в упор. И в этот момент в мозг ударила гениальная идея – залезть через окно. Я быстро обошёл здание. Администрация стояла на фундаменте, почти в метр высотой, от того даже, чтобы просто заглянуть в окна, пришлось карабкаться на выступы. Внутри комнаты оказались типичными офисами, отличающиеся не многим убранством. Я пролез рукой через пустую раму, нащупал защёлку и открыл окно. Стекло, которым был усыпан подоконник и пол, захрустел под ботинками. Внутри комнаты находился один письменный стол, шкаф с несколькими ящиками и вдоль всей правой стены картотеки с буквами от А до Я. На стене же висел календарь с перемещающимся красным квадратом для обозначения числа. Сейчас он показывал восемнадцатое апреля. Хотя на пороге было уже как-никак пятое сентября. Стало быть уже можно предположить, что здесь не было никого примерно четыре с половиной месяца. Искать полезное среди картотеки не имело смысла. Да и что там может быть, кроме макулатуры. По этому я первым делом полез в стол. В первых двух ящиках оказалась только всевозможная канцелярщина. Ручки, карандаши, скрепки, исписанные бумаги и блокноты, почти пустой моток скотча и остального по мелочи. А вот третий нижний ящик был заперт на замок. Колун я оставил снаружи, да и не хотелось шуметь. Однако вскрывать замки отмычками я умел. Живя три месяца с уголовниками посреди степи, удалось научиться многим плохим вещам. Замок же на этом ящичке был довольно простой. Всего два-три штифта. Их легко нащупать и отогнуть с помощью скрепок из верхнего ящика, а вот того, что подойдёт вместо рычага, под рукой не оказалось. Нужно нечто длинное, прочное, узкое, чтобы пролезть в отверстие для ключа и не круглое, чтобы при повороте, не проворачивалось. Обычно в таких делах лучше всего подходит обычная плоская отвертка или расплющенная стальная проволока. Я обернулся и стал рыться уже в ящиках шкафа. В большинстве лежали всевозможные бумаги. А вот в паре нижних попался всевозможный хлам. В одном провода, шурупы, стартеры и лампочки, судя по всему запасные. А в другом снова канцелярские товары, в большинстве своём в заводской обёртке. И наткнувшись среди них на упаковку с небольшими ножницами я воскликнул – «Бинго!» Плоское, тонкое и продолговатое – то, что нужно. Я, уже приловчившись, нащупал выгнутыми скрепками в виде крючков все штифты и отогнул их. А после вставил половинку ножниц и аккуратно провернул замок. Он поддался и ящик открылся.

Внутри, из-за стекла, окаймленной деревянной рамкой на меня смотрели детские глаза. Это была фотография какого-то ребёнка, от силы годовалого. Он сидел на кровати в разноцветной пижаме и улыбался, глядя из своих больших светлых глаз. Покрутив рамку, я пальцем отогнул ножку позади и поставил фото на стол. Внутри ящика ещё лежали пара папок без каких-либо обозначений, керамическая кружка, очки и электронные часы с погасшим экраном. С разряженными батареями, скорее всего. А вот в углу нашлась пара пальчиковых бата-

реек в заводской упаковке. А значит ещё рабочие. Жаль, что фирма-производитель не знакома. Трудно сказать об их качестве. Но тем не менее, хоть какое-то время они могут прослужить, если найдётся им применение.

– Да больше и ничего «путного» – с досадой обращался я сам к себе – А чего ты ожидал? В офисном ящике-то. Гранатомёт и армейский сух паёк?

Я направился к двери в коридор, повернул ручку и слегка толкнул. Ничего не произошло. Повернул ручку на максимум и толкнул сильнее – ноль эмоций. Видимо заперто. Замок имел входное отверстие для ключа и с этой стороны, так что моя тёмная сторона, не долго думая, повернула операцию по взлому и здесь. Дверь отворилась. Однако, прежде чем выйти, я вернулся к столу и захватил коробку со скрепками, а также запихав ножницы в задний карман. Судя по всему, мне это ещё пригодится.

Я медленно открыл дверь настежь, запуская новую порцию света в мрачный коридор. Ещё будучи на улице, мне на ум пришло сразу, залезть в дальнее окно. Так мне стало видно, что находится за столом в центре коридора. А там не было ничего, кроме перевернутого стула и пластикового мусорного ведра. Это обнадеживает.

На деревянной двери, находящейся на противоположной стене висела табличка «Бухгалтерия». Я медленно повернул ручку и потянул дверь на себя. К моему удивлению дверь отворилась. Уж если что-то и должно быть заперто в этом здании, то именно эта комната. Даже если деньги здесь и не хранились, то бухгалтерские книги и отчёты имели очень большое значение и должны держаться под замком. Убранство этого помещения было почти таким же, как и предыдущее. Стол, тумбочка и картотеки. Разве что к окну с наружной стороны были привинчены металлические решётки. Сквозняк, пролетевший через разбитое окно в открытую дверь, поднял с пола часть разбросанных бумажек и выкинул в коридор. Я обошёл стол и обнаружил прикрепленный к полу сейф с открытой дверцей. Внутри в большом отсеке находились пара папок. Остальные два отсека зияли своими чёрными пустыми дырами. Кроме канцелярских принадлежностей и массы макулатуры и здесь ничего полезного обнаружить не удалось.

Первое слева помещение оказалось приёмной, где кроме нескольких стульев, стола и засохших растений, больше ничего не было. А в противоположном, обнаружилась комната отдыха с несколькими шкафчиками, которые на деле оказались практически все пустые. Я вернулся в коридор и подошёл к лестнице, которая поднималась к стене и на половине поворачивала обратно, уходя во тьму коридора второго этажа. Немного поразмыслив, всё же решил сделать шаг вперед. Едва наступив ногой на первую ступеньку, та громко скрипнула. Я в ужасе замер, прислушиваясь к любым посторонним звукам, которые могли бы доноситься сверху. Но гробовую тишину нарушал лишь ветер, шуршащий бумагой, надписи на которой уже никто никогда не станет читать, да отдалённое пение птиц где-то с улицы. Через пол минуты, показавшихся вечностью я начал дышать, а после медленно снижать давление ноги на предательскую ступеньку.

– Стоит ли рисковать ради не пойми чего – вновь обратился сам к себе – там может быть какая-то еда и даже оружие. А может оказаться стопка бумаг, которых охраняет не особо слышащий «зомбак».

Поразмыслив ещё немного, всё же принял решение, обследовать второй этаж. Но уже не с голыми руками. Я медленно вышел обратно на улицу через парадный выход и подобрал колун. С подобным небольшим инструментом убеждения вести переговоры с администрацией гораздо легче. Да и не только с администрацией.

Обхватив его двумя руками я уверенно зашагал по коридору обратно к лестнице. Прижавшись к перилам, ногами уже старался наступать только на боковой край ступенек, чтобы они не прогибались в центре, привлекая своим жутким скрипом лишнее внимание. Почти дойдя до середины, голова оказалась на достаточной высоте и удалось заглянуть на верхний этаж. Свет, исходящий с дверей первого этажа, слабо отражался от грязновато-жёлтых обоев

на верхний. Пришлось даже под напрячь зрение. Через какое-то время в полумраке стали видны очертания трёх дверей, расположенных по одной на каждую стену, а также шкафа, стоящего сразу за той, что справа. На полу лежал ковёр, непонятного из-за тьмы цвета. А на потолке висело две люстры, гамму которых так же не удалось определить. Враг в этом помещении может быть только за шкафом или в нём самом.

Зажав в руках колун ещё сильнее, я медленно поднялся наверх, не спуская глаз с этого единственно представителя мебели, в одиночестве стоявшего посреди комнаты не пойми для чего. Глаза пытались уловить хоть какое-то движение, но безуспешно. Хотя это даже радовало. Лучше не вступать в бой, чем вступить и, ещё не известно с каким результатом, выйти из него. Я боковым шагом вдоль левой стены передвинулся к двери. За шкафом тускло стали прорисовываться очертания чего-то непонятного.левой рукой повернул ручку и потянул на себя. Дверь поддалась и я дёрнул её так, чтобы она полностью распахнулась и осветила подозрительный участок. За шкафом и правда кое что было. Но то лишь металлическое ведро, с накинутаой на него тряпкой, да швабра, прислонённая к стене.

Облегчённый вздох прошёлся на пару с небольшим сквозняком, потянувшим из комнаты. Это помещение оказалось неким кабинетом с двумя небольшими шкафами по дальним углам, письменного стола в центре и обычных скамеек, расположенных углом справа и слева от входа. В ящиках ничего хорошего не обнаружилось. Когда отворил дверь на противоположной стороне у шкафа, взору представилась практически пустая комната с ободранными обоями, грязной стремянкой и парой белых пластиковых вёдер. Судя по всему, здесь собирались делать ремонт. А вот последняя дверь блестела табличкой с надписью – директор. Внутри это оказался хорошо обставленный кабинет. По середине на покрытом ковром полу, стоял красивый письменный отполированный стол. За ним, судя по всему, кожаное кресло. Перед ним, чуть повернут под углом примостился обитый деревянный стул. С лева, вдоль стены, тянулись серванты. В которых находились всевозможные предметы, от изящных рюмок, до всевозможных фигурок и настольных украшений. Справа, в дальнем углу, стояла книжная полка, немного подгнившая внизу из-за дождей, поливающей её через большое и разбитое окно. Возле него, прислонившись к стене, размещался чёрный кожаный диван. А завершал всё это великолепие, находившийся в правом ближнем углу, чахлый цветок с коричневыми листьями, свисавшими вниз с голубого горшка. На стене же висело множество грамот и похвал, ещё советского образца, с изображением Ленина. Я медленно подошёл к ним и, на случайно выбранной, прочитал – «Товарищ Киров А. И. – директор колхоза посёлка Хельм, от райкома КПСС Северной Загории награждается почетной грамотой Обкома КПСС и Совета Министров Чернорусской АССР за получение высоких урожаев, увеличение производства и успешное выполнение плана заготовок зерна хозяйствами района в 1988 году. Секретарь Чернорусского обкома КПСС Ф. Митищев».

Из описания этой грамоты наконец удалось узнать название посёлка, в котором я нахожусь – Хельм. Но это не на много прояснило ситуацию. Карты у меня не было, да и расположение мелких поселений я не знал. Однако ясно одно – это точно не Берёзино.

Ящики были наполнены самым всевозможным хламом. В подавляющем большинстве макулатурой конечно-же. Где-то разнообразными запчастями, не представляющие интерес в данный момент. Я тогда не мог определить, для чего предназначается даже треть из них. В других канцелярскими принадлежностями, только более специфическими. Под стать директору. В иных фигурками и другими бесполезными вещами. Даже коробку с шахматами нашёл. Но играть самому с собой не очень-то хотелось, по этому трогать не стал. А вот украшение в виде золотого колечка с тремя небольшими изумрудами всё же забрал. На нём проба была, значит точно золотое. Если мир ещё существует по ту сторону границы, то, когда выберусь, оно, возможно, мне пригодится.

– Если выберусь – промелькнуло в голове, но я тут же отогнал эти мысли фразой, произнесённой в слух – когда выберусь!

На мой возглас ответил только шелест ветра. В этих заброшенных краях только он был моим единственным незримым спутником.

Средихлама ещё нашёлся фонарик. Увесистый и вроде целый. Но на щелчки выключателя не отвечал. Поверхностный обзор не определил никаких дефектов или повреждения маленькой лампочки. Отвинтив крышку и перевернув фонарь, на пол выпало четыре батарейки крупного размера. Немного помяв их колуном, я засунул мякиши обратно и проверил выключатель. Лампочка загорелась тусклым желтым сиянием. Значит дело было в батарейках – просто сели. Я всё же решил взять его с собой на случай, если найду подходящие аккумуляторы. Но старые и помятые высыпал на пол, чтобы хоть немного облегчить груз.

Выйдя на улицу и глотнув воздуха, я забрал свои пожитки и направился к дому, в котором сейчас и сижу. Он был единственным на весь посёлок, который имел кровать на втором этаже. А значит для ночёвки самый пригодный.

На тот момент было около четырёх часов дня.

– Да, было бы не плохо обзавестись работающими часами – подумал я.

Свеча сгорела уже примерно на четыре пятых.

Пора на боковую. Подготовив лежанку на ночь, я задул остаток свечи и тут погас единственный огонёк света во всём посёлке, отдав его без остатка во власть ночи.

Глава 2

Снежная вьюга неслась бесконечным потоком белых пушинок, то и дело врезавшихся в лицо с левой стороны. Поднятый вверх воротник рубашки создавал лишь иллюзию согревания. Снег, своими липкими пальцами, цепляясь за одежду и волосы. Некоторые слетали от ветра, другие срывались комьями под такт качки тела во время движения. Я шёл в сторону терминала. Он был там, где-то в тумане. Всего в пятидесяти метрах. К звукам ветра и ударяющегося в ухо снега, добавился чёткий гул от ударов по металлу где-то впереди. Шаг за шагом, пробираясь сквозь снежную стену, холодный ветер как будто усиливался. Вот уже стали заметны очертания серого двухэтажного строения с темными, словно глазами, окнами. Шаг. Ещё один. Уже заметна одна из дверей, возле которой находился человек. Он производил непонятные, в этом тумане, движения. Подойдя ещё ближе, стало заметно, что тот бьёт рукой наотмашь по двери, пытаясь её проломить. С каждым шагом образ становился всё отчётливее. Вот уже видно полысевшую голову, клетчатую рубашку, штаны и единственный сапог, надетый на ногу. Второй, вместе со штаниной, утопал по щиколотку в наметённом снегу. По мере приближения гул стуков всё усиливался. До входа осталось метров десять, как вдруг кто-то сверху открыл окно во внутрь и женским голосом крикнул – «Помогите!» Я на секунду замер, шокированный происходящим. Человек, молотящий дверь обернулся на меня, показав серую кожу лица с чёрными пятнами и потёками из всех щелей. Остекленные глаза в купе с агрессивным оскалом коричневых зубов, смотрели лютой злобой. Сверху вновь раздался крик о помощи. Я было хотел двинуться вперед, но ноги замерли столбом. Зомби, почему-то отвернулся обратно к двери и стал молотить с удвоенной силой. Крики с верхнего этажа стали перемежаться с плачем. Я сильнее и сильнее дёргал ногу. Кажется поддаётся. Обхватив голень руками, дёрнул со всей силы...

Я открыл глаза и резко приподнялся с кровати, приняв сидячее положение. Вещи, которые укрывали меня слетели на ноги. Холодный пот выступил на лбу. Я прислонил руку к голове и почувствовал влагу на ладони.

– Ну и кошмар – сказал я про себя.

Солнце уже встало и его тёплые лучики начали проникать в дальнее окно комнаты, освещая старые обои, местами даже покрытые плесенью. Очевидно, утро уже наступило. Возможно уже часов десять, если не больше. Усталость от вчерашнего путешествия и позавчерашнего марафона с последующим недосыпом в холодной траве сильно сказалась на накопленной усталости.

И тут все мои размышления прервал какой-то грохот. Как будто кто-то уронил со стола стул. Сознание ещё не пришло в себя, а тело замерло в ожидании каких-либо указаний. Через несколько секунд удар повторился, выбив из оцепенения и полусонного состояния. Звук исходил где-то с первого этажа.

Я быстро собрал все пожитки в школьный рюкзак. Из более крупных нашёл только тряпичный мешок, но этот с лямками и даёт свободу рукам. Да и вещей у меня не так много. Колун, кухонный нож, фонарик без заряда, две пальчиковые батарейки, консервная банка с непонятным содержимым, ножницы, коробка шпилек, небольшая банка с солью, грамм на триста, литровая бутылка с водой, небольшой кусок потрескавшегося хозяйственного мыла, ручка, блокнот, верная зажигалка, а также целая гора яблок, половина из которых превратилась в огрызки за ужином и улетела в окно.

Глухие удары продолжали доноситься с нижнего этажа. Я взял в руки колун и открыл дверь к лестнице. За ней никого не было. Облокотившись на перила, я заглянул за них. Кухня тоже вроде была пуста и стулья возле стола стояли в том же положении, в котором оставались

вчера вечером. Теперь звук следующего удара было легко обнаружить. Он исходил из-за моей баррикады возле входной двери. Кто-то ломился снаружи. Не уж-то зомби?

Я быстро вернулся обратно в комнату и высунул голову в разбитое окно, расположенное над входом.

– Чёртов козырёк над дверью! – воскликнул про себя. – Ни хрена не видно.

Покрутив головой по сторонам, я осмотрел улицу. Никого не было. Тот, кто долбится в дверь, скорее всего один. Максимум двое. Но это пока. Шума много делают. Лучше поспешить.

Я быстро, на сколько возможно, но достаточно аккуратно, спустился вниз. Дверь, после каждого стука сотрясалась всем корпусом, но тяжелый шкаф держал оборону. Всё ещё сжимая обеими руками тяжёлый колун, я сдал боком к оконному проёму. Оно было обращено на соседнюю улицу. Дом же располагался на перекрёстке. Беглый обзор пространства за окном показал, что потенциальных врагов нет. Защёлки сдвинулись и в распахнувшуюся раму с высоты в полтора метра вывалилось тело, с детским рюкзачком на спине и колуном в руках.

Ученик школы выживания отправляется на занятия, блин.

Можно было прямо сейчас бежать, но неизвестно кто там. Может человек? Какой-нибудь больной, но всё же человек? Или, если уж зомби, то как он поведёт себя? Продолжит долбиться в дверь или позже выследит меня, как собака по запаху?

Любопытство всё же преодолело инстинкт самосохранения и я заглянул за угол. Да, к сожалению там был зомби. Но не просто зомби, а именно тот, которого я видел во сне. Мужик в клетчатой рубашке и босой ногой. Хорошо, что он был всего лишь один, но шум мог очень скоро привлечь сюда ещё кого-нибудь. Мерзкий тип на секунду замер, как будто нутром почуял, что на него смотрят. Поднял голову и издал звуки, похожих на какое-то хрюканье.

– Принюхивается что ли? – задался вопросом я и, к сожалению, не ошибся.

Во время этих звуков голова слегка подёргивалась вверх, медленно перемещалась из стороны в сторону. Сначала направо, а потом налево, туда, где из-за угла выглядывала моя любопытная физиономия. И как только мои глаза встретились с его остекленевшими, зомби закричал, как только что заведённый дизельный двигатель и развернулся в мою сторону. Прятаться уже не было смысла – я обнаружен. Был ли смысл бежать? Если он умеет выслеживать по следу, лучше прямо сейчас дать бой. Благо отсутствие других противников позволяет. Я, уже не скрываясь, полностью вышел из-за угла, сжимая обеими руками рукоять колуна, словно древний викинг с двуручной секирой. Только бороды и рогатого шлема не хватает. Зомби отпрянул от двери, на которой уже сейчас виднелось несколько вмятин. Он медленно, но уверенно зашагал в мою сторону, как будто догадавшись, что его сегодняшний потенциальный обед не собируется убегать, а моё средство общения его ни сколько не пугает.

Орудие тяжёлое и шанс на второй удар может не представится. Бить в свойственной данному инструменту манере не очень разумно. Зомби не чурка – он перемещается, так что есть шанс угодить по голове не головкой топора, а черенком. И я решил бить наотмашь слева на право, целясь примерно в голову. Мы вышли на встречу друг другу. Оба озлобленные и уверенные в победе. И как только я сделал замах, этот урод ринулся вперед, наклонившись и подняв руку. Лишь то, что моё тело отпрянуло чуть вправо, спасло от нападения. Колун, просвистел над лбом супостата, едва чиркнув о серую кожу затылка. Неправильно поставленные ноги начали подкашиваться, но тяжесть направленного движения орудия, позволило сделать разворот, словно спортсмен по фигурному катанию. Левая рука отпустила колун дабы удлинить поражающий радиус, а правая, держащая почти за конец завершила полный оборот вокруг меня. Карательное приспособление с глухим стуком врезалось прямо в центр живота того злого дядьки. Зомби ещё раз прокричал. Черная кровь, с едва заметными оттенками красного, ручьём полилась на землю. И, согнувшись непонятным образом, он повалился на землю, животом вперёд. Я же, зацепившись ногой за ногу, упал спиной вниз, но успел выставить ладони,

предотвратив удар головой об асфальт. Зомби лежал рядом со мной мордой вниз. Спина выпирала острой горкой примерно в том месте, где застряло остриё моего орудия. Колун всё же сделал то, для чего был предназначен, а именно колоть. И в этот раз он, похоже, разрубил позвоночник.

Я уж было хотел встать и отпраздновать мою маленькую победу, как вдруг мужик ожил и схватил своей мёртвой рукой меня за штанину. Этот гад похоже и не думал подышать. Руки и свободная нога судорожно пытались оттащить меня подальше, но мёртвая хватка мертвеца (какая ирония), не давала поводов для лёгкого освобождения. Зомби урчал, скалился и тянулся ко мне. Ноги его болтались позади словно тряпки, а рукоять колуна скоблила по асфальту, оставляя после себя размазанный тёмный шлейф. Вот он уже ухватился второй рукой и подтянулся. Не видя перспектив в перемещениях по дороге, я начал в отчаянии колотить по его лицу свободной ногой. Мне на секунду даже показалось, что он в этот момент улыбался. Хотя через несколько ударов его оскал лишился пары зубов. Но тут, этот гад, схватил меня рукой за вторую ногу и приложив её к земле, стал карабкаться по джинсам, как по лестнице. Очевидно его не интересовало мясо, скрытое под носками, которые не снимали уже третий день. Что логично. Я же судорожно смотрел влево и вправо в поисках тяжёлых аргументов, но на середине асфальтированной дороги не было ни камешка. В критических ситуациях мозг либо отключается, либо работает в максимальном режиме. Чаще первое, но иногда и бывает второе. Тут я вспомнил про свой кухонный нож. Его длинна, не позволила ему полностью уместиться в рюкзак. Одно только лезвие почти в четверть метра и рукоять. Когда собирал вещи, поставил его сбоку, ручкой наружу и остриём вниз, которое упиралось в металлическую скрученную крышку от фонарика. В таком варианте нож не проткнул бы рюкзак внизу.

Нашупав пластиковую рукоять за спиной, я схватился за неё и одним рывком вытащил нож, словно самурайский меч. После, отвёл руку вправо и со всего размаху вонзил остриё в висок своему врагу. Лезвие ножа прошло сквозь всю голову мужика и острием вылетело с противоположной стороны, забрызгав джинсы серым веществом. Зомби замолк и уронил голову, ударившись лбом об мои колени.

Я тяжело выдохнул, но, не дожидаясь новых проявлений жизнедеятельности, поспешил выбраться из под тела и отойти на пару метров. Тут уже в мысли закрадывались те песенки, которые намекали на побег вместо боя и сейчас тыкали носом в наглядный результат моего безрассудства. Взгляд по прежнему не отрывался от бывшего противника, а через ноздри с шумом вырывались и втягивались обратно большие потоки воздуха.

– На этот раз точно умер, – начал успокаивать себя. – Лежит и не шевелится. Даже безмозглым мертвецам без мозгов не пожить. Интересно, как он собирался меня есть, если у него вон, все кишки наружу?

Но не успел я закончить свои мысли, как слева за забором, что-то двинулось среди кустов, издав характерный звук дёрнувшихся веток. На этот раз я не стал более любопытствовать. Даже если это вообще какой-то зверёк с ветки на ветку перепрыгнул. Я же понёсся со всех ног по гравийной дороге примерно на запад, бросив на произвол судьбы оба оружия самообороны, торчащих из недвижимого тела своего недавнего врага.

Ещё во время вчерашнего обследования посёлка, нашлись только два выхода. Один, асфальтированный, в сторону моря, а другой в противоположную через лес. Возвращаться к подступам Берёзино совершенно не хотелось, потому остался только один путь.

Отбежав примерно пару километров, я сбавил темп, потом перешёл на шаг, а затем и вообще остановился. Дорога слегка петляла и уже через сотню метров скрывалась листвой кустарников и деревьев смешанного леса. Понять, куда она ведёт не представлялось возможным. Дорога несколько раз делала крутые повороты, а также слегка поднималась и опускалась. Солнце же в данный момент было скрыто за ветвями деревьев, хотя и примерное местоположение не трудно прикинуть. Может дорога ведёт в Красностав, может в Берёзино, может ещё

куда. Сейчас она расположена почти перпендикулярно падению теней, следовательно в данный момент направлена на запад, с небольшими погрешностями, градусов в 40 в северную и южную стороны.

– Ладно, – махнул рукой сам себе и продолжил одинокий диалог. – Пора отдохнуть и сделать небольшой привал. Я даже не завтракал ещё. Что тут у нас сегодня? Хм. Опять яблоки? А консервы так и остались не тронуты.

Нож был безвозвратно утерян во время битвы. Да даже если бы и остался, после знакомства с мозгами этого мертвеца, открывать им еду уже не хотелось. Неизвестно, как именно передаётся эта зараза. И тут я с ужасом поглядел на чёрное пятно у себя на джинсах. Лучше избавиться от него, как можно скорее. Но идти в одних трусах по лесу на радость комарам и на смех лесным жителям совершенно не хотелось. Нет уж, не предоставляю я им такого счастья. Идея была несколько в другом. Сняв штаны и достав из рюкзака ножницы, они стали использоваться по прямому назначению. Теперь мои джинсы приобрели горизонтальное каплевидное отверстие. Сейчас, в крупных городах подобное входит в моду. Кожа на ноге под тем местом, где было пятно, поверхностно никак не изменилась. Но на всякий случай я промыл, не внушающий доверия, участок водой с мылом, истратив чуть более половины запаса жидкости. Это меня не сильно расстроило. Она всё равно воняла то ли бензином, то ли керосином, то ли ещё хрен пойми какой химией. Двадцатикратная промывка бутылки под колонкой, так и не избавили её от этого запаха. Уж не знаю, что там хранилось. Я вообще планировал вскипятить воду, налитую в неё, прежде, чем пить.

Сложив поклажу в мешок и надев штаны, наступил мой завтрак. Рюкзак был слишком мал в размерах. Он для пары учебников с тетрадями предназначен, а не для турпоходов с ночевками. После небольшой трапезы в нём осталось только пара яблок, да банка с неизвестным содержимым. Вот кончатся яблоки и что дальше? Так и помру с голоду в обнимку с консервами, которые просто нечем было открыть. Ножницы слишком тонкие, они скорее согнуться в трёх местах, а на банке не останется и вмятины. С этими мыслями я поднялся с земли, огляделся и, убедившись в отсутствии кого-либо, двинулся дальше.

Шуршанию гравия под ногами, подыгрывал неутомимый ветер и разнообразное пение птиц со всех сторон. Они пытались перекричать друг друга, напеть как можно более красивые и длинные мелодии, соревнуясь за первенство на этой лесной эстраде. И лишь шелест листьев аплодирует пернатой какофонии.

Ещё через пару километров пути, выйдя из-за очередного поворота, неподалёку показались очертания ворот с квадратной металлической аркой. А справа от них, выглядывала большая вывеска на двух опорах. Ветер слегка покачивал кроны деревьев и тени двигались из стороны в сторону по буквам и, местами, облупленной краски, обнажившей пятна ржавчины. На металлических столбах, выкрашенных в синий цвет, была привинчена табличка «Летний лагерь «Дружба». А над воротами приветственное «Добро пожаловать» с рисунком пионеров, радостно задувающих в трубы.

Очевидно это был некий пионерский лагерь. Когда-то работающий и усердно принимающий к себе множество пионеров со всех городов и посёлков. ВЛКСМ был расформирован ещё несколько лет назад, а это место, похоже, до сих пор функционировало. Местами, создаётся впечатление, что ещё в этом году здесь проживало некоторое количество людей. Перед первым двухэтажным деревянным зданием располагалась земляная площадка с несколькими деревянными столами. Трава в этих местах, произрастала лишь частично. После многих лет утрамбовки грунта ногами местных посетителей, растения с трудом пробивались сквозь уплотнённый слой. В отличие от всех остальных строений, которые встречались мне раньше, здесь большинство окон блистали целыми стёклами. Кажется, что по этой дороге я попал в другое измерение. Время здесь, словно остановилось, ещё лет десять назад. Летний лагерь, скрытый со всех сторон чащей леса, как будто не замечал движение жизни вокруг. Не заметил он ни рас-

пада СССР, ни инфекции, которая обезлюдела, как минимум, эту часть Черноруссии. И лишь улыбался с арки лицами счастливых пионеров, слегка потертых коррозией.

По обе стороны от ворот, лагерь окружал двухметровый забор. Он состоял из металлической сетки, которая соединяла столбы, вбитые в землю и уходящие в глубину леса. В центре ворот болтался замкнутый амбарный замок. Если учесть, уже виденную в офисе дату, восемнадцатое апреля, можно судить о том, что в этом году лагерь так и не успел открыться.

Этот замок открыть сложнее, чем английскую личинку, да и придётся ножницы выгибать под вид рычага. Не говоря уже об времени, потраченном наковыряние во внутренностях. По этому я, не долго думая, перемахнул через забор и приземлился на бетонную плиту внутренней дороги. Она состояла из квадратов, уложенных в два ряда примерно в метр шириной. Уходил данный путь всего лишь метров на пятьдесят, после чего разветвлялся на несколько узких тропинок, уложенного такими же плитами, но меньшего размера, и терялся среди деревьев и маленьких домиков.

Подойдя к первому дому и потянув за ручку, оказалось, что дверь заперта. Можно было и взломать, однако справа от неё оказалось единственное разбитое и открытое окно. Заглянув в него, моему взору представилось большое помещение с множеством небольших столов, с поставленными на них сидением вниз, стульями. А справа располагалась стойка, за которой виднелись холодильники, умывальники и печи. В рабочее время лагеря, здесь находилась столовая. В определённые промежутки времени сюда стекались все пионеры, мелькая белыми рубашками и красными галстуками. Воспоминания собственного детства нахлынули на меня. Даже начало казаться, будто нос учуял запах компота, который так любил. Яблочный, грушевый, абрикосовый и даже иногда вишнёвый. Я прошёлся среди столов и провёл руками по пластиковому покрытию, оставив полосы от пальцев среди запылившейся поверхности. После подошёл к пункту раздачи еды. Давным давно, в подобном месте, он, вместе с другими ребятами, стоял в своей очереди, смеялся и постоянно что-то громко обсуждал со своими друзьями, от чего порой вызывал гневные возмущения некоторых поваров.

После минутной ностальгии, я обогнул препятствие и зашёл на кухню. Еда хранилась на складе, а вот хороший нож для разделки мяса только здесь. Ручка же от двери на склад была оторвана и валялась рядом на полу. Но ничего страшного, склад имел два входа, внутри для поваров и снаружи для выгрузки продуктов из грузовиков, так что я повременил туда соваться. Все мои поиски сопровождался громким звоном металла об металл и эхом отражались от стен. Порывшись ещё среди вилок, ложек, и поварёшек, удалось отыскать ящик с холодным оружием. Достав самый большой я покрутил его в руке, осматривая со всех сторон и оценивая состояние. Выдвинув нижнюю губу и довольно кивая, произнёс про себя – «Почти мачете». По мимо этого нового оружия самообороны, я взял с собой столовую ложку, вилку и открывашку. Теперь, когда у меня есть чем открыть таинственную банку, вспомнились даже слова песни, бывшая не так давно хитом и всё ещё воспроизводящаяся подвыпившими людьми почти на всех застольях:

«А повар придумал ужин.
Немного крупы перловой,
Немного коры дубовой,
Немного дорожной пыли,
Немного болотной тины.
Солдат не умрёт голодным!»¹

И тихо напевая припев, я, с новым орудием убийства в руке, превосходившим колун в скорости, а кухонный нож в длине и весе, выбрался обратно на улицу. Похоже, что на мои громохкания посудой никто не пришёл. Это даже слегка расстроило. Но лагерь обнесен забо-

---

¹ Слова из песни «Манго-Манго – Пули», 1995г

ром, а зомби вряд ли умеют лазить. Если бы было так, сегодняшний утренний гость забрался бы в окно, а не ломился в забаррикадированную дверь.

Я начал обходить столовую со стороны дороги, но оказалось, тропа для автомобиля тянулась крюком и заканчивалась возле склада, который находился со стороны леса, справа от главного входа. Из-за второго угла показалась двойная металлическая дверь, покрашенная в зелёный цвет. Одна половинка была слегка приоткрыта, сантиметров на десять. Рядом со входом стоял здоровенный лом, чёрный цвет которого походил на чугун, метра полтора в длину. А рядом на земле валялся изогнутый и разорванный навесной замок. Очевидно, что кто-то уже вламывался внутрь. Как давно – трудно сказать. Чтобы хоть примерно прикинуть, нужно было осмотреть замок на наличие ржавчины и примятости земли.

Но как только я наклонился, чтобы подобрать изувеченный металл. Где-то слева не далее, чем в пятидесяти метрах, раздался выстрел. Кусок бревна возле стены, находившейся справа от меня разлетелся на мелкие куски, осыпав голову и одежду щепками. От такого неожиданного поворота событий я выронил свой мачете. Потом, не выгибаясь обратно, посмотрел на стену, с отколотыми кусками в нескольких местах, а после, в лес налево. Вся эта манипуляция заняла не более двух секунд. Однако за это, столь короткое время, не удалось заметить никого среди сосен, уходивших вверх по холму и папоротника. В отличие от всех предыдущих ситуаций, ступор шока, во время этой, продлился совсем не долго. Видимо организм начинает привыкать к подобным стрессам. В данный момент, моё тело находилось примерно на середине пути, между углами дома. А площадка в этом месте была абсолютно пуста. Прятаться не за что. И потому, я незамедлительно воспользовался единственным возможным вариантом отхода. Ринувшись всем телом, рука схватилась за приоткрытую дверь и с силой открыла её на достаточное расстояние для прохождения остального тела. И как только моя вторая нога скрылась за, ещё не закрытым, металлическим щитом, раздался новый выстрел. Что-то со громким ударом врезалось в дверь. Толчок был такой силы, что дверца ворот закрылась сама собой, больно стукнув меня в плечо и по голове, а после откинув в глубину абсолютно тёмного помещения. Я лежал на холодном бетонном полу в абсолютном мраке. Солнце было с другой стороны здания и, находясь в тени, свет едва проникал через узкие щели, не в силах даже предоставить мутные очертания окружающих предметов.

– Что это, чёрт возьми, было? – Разговаривал я сам с собой, прислушиваясь к звукам снаружи. – Зомби не умеют стрелять! Значит это не мертвец. А кто? Безумный сторож этого, покинутого всеми, лагеря? Охотник? Или ещё один выживший, просто решивший, не рассмотрев как следует, что я зомби? Да, наверняка последнее. Но стоит ли высовывать морду на улицу? Это вряд ли. Зомби должен после его выстрела побежать со всех ног к источнику шума, а не наоборот. Лучше подожду здесь.

В голову снова невольно вклиниваются слова, недавно вспомненной песни. И больной разум, решивший таким образом снять полученный стресс, начал воспроизводить их:

«А пули летят, пули.

Солдаты сидят в окопах.

Солдаты сидят в окопах.

Потому что летят пули.»

Я так и сидел на полу, упершись спиной в какой-то мешок и вглядывался в неподвижную дверь, пускающую тонкие лучики света. Правая часть лба от удара об дверь, пульсировала болью при каждом биении сердца. С улицы всё время были слышны только обычные звуки природы. Время ожидания тянулось медленно и совершенно не заметно. Не известно, сколько я там просидел без движения. Десять минут, пятнадцать, час? Через какое-то время привыкания к тьме в этом сарае удалось разглядеть лишь очертания металлической полки с правой стороны от входа, так как единственный и слабый источник света падал только на неё.

Вдруг, снаружи показались какие-то звуки, отличные от ветра и птиц. Некто приближался к двери осторожной поступью. Лёгкие удары каблучков ботинок о камни и едва шуршащий треск песка становились всё более отчётливыми. Но вот они остановились. Расстояние трудно было определить, где-то рядом. Может в нескольких метрах от дверей, а может сразу за ними.

– Не стреляйте! – воскликнул я, не дожидаясь, пока некто за дверью отворит её и пустит в лоб порцию картечи. – Я не зомби! Слышите? Я не зомби!

Дверь резко отворилась и в глаза, привыкшие к темноте, больно ударил свет. Я машинально выставил руки вперёд, закрывая ослепительное сияние и заодно показывая чистые пустые ладони. Они должны были сказать, что кожа у меня не пятнисто-серая и я не живой труп, а так же о том, что не вооружён. Мало ли какой псих. Тёмный силуэт стоял на входе, поблёскивая полированным стволом какого-то ружья.

– Я не зомби! Не зомби! – чуть ли не с мольбой в голосе, продолжал восклицать я, а позже, сделав небольшую паузу, добавил. – Я не вооружён!

Человек по прежнему молчал и не опускал ствол оружия. Глаза потихоньку приспосабливались к новому освещению и края силуэта приобрели конкретные очертания, показав части одежды, цвета зелёного камуфляжа. Не смотря на молчание моего безмолвного собеседника, руки я опускать не спешил, дабы не давать повода для агрессии.

Через несколько секунд, которые, как мне показалось, длились целую вечность, раздался женский голос – «Сколько вас?»

Вопрос меня несколько смутил. Хотя, если эта незнакомка являлась членом отряда спасения выживших, он был вполне уместный.

– Только я один. Больше никого. – Честно ответил я.

Однако собеседница на это ничего не ответила и ружьё не опустила. Видимо ожидая более полного ответа.

– Нас было трое, – продолжил я – Дмитрий, Валера и я. Мы прибыли в субботу утром на небольшом самолёте из Казахстана. Из-за недостатка топлива нам пришлось совершить вынужденную посадку на аэродроме Красностава.

– И где они? – продолжил спокойным голосом таинственный гость.

Зрению медленно, но верно стали проявляться более подробные части одежды. На ней был типичный зелёный камуфляж. Штаны заправлены в высокие черные ботинки с высоким берцем, а на голове находилась тёмно-зелёная кепка. В районе пояса болталась какая-то меховая серая тушка. На кролика похоже. В руках же находилось двуствольное ружьё с вертикальным расположением стволов. Похоже на ИЖ, но только на свету можно было бы сказать наверняка. К стволам с правой стороны был примотан некий цилиндрический продолговатый предмет чёрного цвета.

– Погибли – понижая голос с каждой буквой, ответил я. – Тем же утром в Красностае. На нас напала толпа зомби. Только мне удалось спастись.

Не дожидаясь возможного появления вытекающего отсюда вопроса, добавил – «Я сбежал через лес, бросив там мёртвых напарников и все пожитки».

– Значит самолёт цел и может лететь?

– Да. Только заправить нужно. Мы его в ангар загнали и накрыли брезентом, на всякий случай.

– А ты, получается, пилот?

– Да.

– Можешь доказать?

– Да, – я показал пальцем на свитер примерно в том месте, где находился нагрудный карман рубашки, добавив, – Если позволите.

Медленно опустив левую руку и зацепившись пальцами за низ свитера, потянул наверх. Когда добрался до груди, при помощи второй руки расстегнул карман и достал оттуда серое удостоверение с надписью «Свидетельство пилота». Хорошо, что я её в кармане решил оставить, а не положил в сумку к остальным вещам.

Прозвучал щелчок и яркий свет снова ударил в глаза. Цилиндром на ружье оказался фонарик. Очень мощный для своих небольших размеров.

Незнакомка приняла книжечку левой рукой и поднесла к фонарю. Некоторое время изучала его, а после снова перевела свет на меня. Потом обратно и опять в мою сторону. Очевидно сверяя моё выбритое лицо на фотографии двухлетней давности с помятой, и уже слегка покрытой щетиной, текущей физиономией.

– Похож. Семён? – произнесла она.

– Так точно! – ответил я, постаравшись слегка улыбнуться. Наверняка в тот момент это выражение лица выглядело глупо.

Незнакомка выключила фонарь, вернула мне удостоверение и наконец опустила ружье. Я сделал тихий облегчённый вздох и, затолкав свидетельство обратно в карман, застегнул его.

– А меня Вика, – звонко произнесла она, переложив оружие в левую руку, а правую протянув мне, дабы помочь встать.

Я взялся за её кисть и почувствовал нежное и холодное прикосновение кожи. Неожиданно сильный, для женских рук, подъем оторвал меня от прохладного пола, на котором сидел все это время. Копчик и затёкшая спина отозвались покалываниями. Когда моё тело полностью приняло стоячее положение, я потянулся, выпятив вперёд грудь и выдохнул, возвращая позвоночник обратно в привычное положение. Лишь теперь, приняв вертикальное положение, стало заметно, что эта девушка в камуфляже ниже меня на голову. От силы метр семьдесят. Каштановые волосы торчали с боков из-под кепки короткими локонами. Ещё один сгусток опускался от козырька головного убора с левой стороны, частично закрывая глаз, а сзади в отверстие у крепления был продет собранный хвост. На вид ей было всего лет двадцать. Плюс-минус пара годков. Небольшой ротик и круглые щёки. Такой же небольшой, слегка вздёрнутый нос с немного утопленной переносицей. А широкие глаза смотрели на меня снизу вверх из-под козырька своими тёмными, бесконечно глубокими зрачками. Может она и не была самой прекрасной девушкой на свете, но я женщин не видел больше трех месяцев вообще. Только на картинках в сортире степного аэродрома. А не разговаривал с ними ещё дольше.

Меня как парализовало. Я замер, не в силах оторваться от очертаний, ловя взглядом каждое движение её ресниц и, ещё менее заметное, колыхание волос.

Лишь заметив моё пристальное внимание, уголки её губ слегка приподнялись, глаза опустились и она, отвернувшись, медленно сделала пару шагов, оказавшись на улице.

Теперь, когда она стояла спиной, ко мне вернулось самообладание. Я вспомнил о своей недавней схватке с зомби и пятне, которое он оставил у меня на штанине.

Ты можешь рассказать мне об этой инфекции? – начал говорить, отбросив в сторону продолжение знакомства. Ведь если я должен буду превратиться в ходячего мертвеца в ближайшее время, мне бы стоило об этом знать. Хотя только бы для того, что бы не подвергать её опасности.

Она повернулась обратно, слегка наклонив голову на бок, от чего чёлка отодвинулась и теперь уже оба глаза вопросительно смотрели на меня. Здесь, на свету, удалось различить их цвет. Они были вовсе не чёрными, как показалось сперва, а карими. Маленькие губки зашевелились и произнесли – «А разве в Казахстане сейчас не тоже самое?»

Я развёл руками, добавив – «Мы находились на промежуточном аэродроме в степях, не имеющей прямой связи с цивилизацией. Всё, что мне известно было, это то, что весной на этой территории был введён карантин в связи со вспышкой инфекции».

– Да, – ответила она. – Но это не то, что ты думаешь.

– Не понял, – вопросительно заявил я.

– Если ты действительно ничего не знаешь, то по твоим догадкам инфекция сделала из людей ходячих мертвецов, – ответила Вика. – Я правильно тебя поняла, Семён?

– Ага.

– Так вот. Никакая это не инфекция, а наоборот, вакцинация. Спасаящая от вируса.

Она сделала не большую паузу, ожидая, пока каша в моей голове закипит и голос выдаст вопрос, который она ожидала услышать после такого заявления.

– Опять не понял, – опешил я.

– Весной по территории Черноруссии от Серного Загорья в центр страны, а также на север, через границы в Россию, стала распространяться болезнь. По сути это был обычный грипп. Ну, не совсем обычный – правая свободная рука начала пытаться что-то жестикулировать – Какая-то новая разновидность. Но он на деле он оказался не опаснее, чем обычный. Да, от него умерло за месяц пара-тройка человек. Да и только. А потом, наши, или не очень наши, горе-врачи, изобрели некоторую чудо-вакцину, спасающую от всех болезней. Почти как активированный уголь, только ещё более суровый. И началась тотальная вакцинация. Платная, но при этом принудительная. Учитывая расплодившихся после распада СССР экстрасенсов, вещающих с телевизора чуть ли не круглыми сутками, люди охотно поверили в неё. Первую неделю не было никаких происшествий, а потом наступило начало конца. Люди начали умирать один за другим. Причём это происходило совершенно внезапно. Вот человек шёл себе, на работу. И бац! Что-то внутри закололо. Человек упал, валяется в судорогах, словно во все органы просунули паяльник. Кровь начинает течь из всех щелей, глаза покрываются белой пиленой, а затем он умирает. Вся эта агония продолжается от силы минут десять. Тело лежит бездыханно примерно час, а потом встаёт и начинает кидаться на всех подряд, словно одержимое голодом.

– Жуть какая.

– Не бойся, это не заразно, – сказала она, показав пальцем на мою дыру в джинсах. – Ты ведь по этому вырезал пятно ножницами? Я только сейчас поняла для чего ты это сделал

– Да, – смущённо ответил я, разглядывая испорченные штаны, но потом резко вернувшись в нормальное состояние с подозрением спросил, – А ты откуда знаешь?

– Видела, как ты нёсся как угорелый по дороге из Хельма. Ну и следила за тобой с тех пор.

– Чего же ты раньше не подошла? – уже начал возмущаться я. – Ты же видела, что я не зомби.

– Рискованно, – ответила Вика. – Ты тут не один такой, бегающий галопом по дорогам от деревни к деревне в поисках припасов.

– В каком смысле, – снова озадачили меня её слова. – Есть и другие выжившие?

– Да, есть, – сказала она, прищулив глаза и взяв дробовик обратно на изготовку. – Но тебе не следует с ними видеться.

– Это ещё почему?

– Большинство из них головорезы, разделённые на три банды. Иногда встречаются одиночки, как ты, – и сделав небольшую паузу, добавила, – Только одеты получше.

После этих слов на её лице показалась улыбка. На тот момент я не мог понять, что в моей внешности могло так развеселить. Дыра в джинсах?

– Вот с ними на самом деле все ещё хуже, – опустил улыбку, продолжала она. – Невозможно предугадать, друг это или враг. С бандитами всё ясно. Они все злы и передвигаются небольшими группами. А заметив одного, заметишь и остальных. Ладно, пойдём, по дороге расскажу.

И движением левой руки, сделала жест, подзывающий следовать за ней. После чего отвернулась и, не дождавшись моего ответа, направилась куда-то по диагонали в левую сторону к лесу. Моё импровизированное мачете куда-то исчезло и я, не тратя времени на его поиски,

поспешил за Викой. Да и как-то плевать уже на него. У моей спутницы есть ружье. Кто теперь устоит? Против лома нет приёма.

Она подошла к столбу, на которую была закреплена металлическая решётка, продела пальчики в дырки и потянула на себя. Забор вдоль трубы, почти до самого верха, был чем-то срезан или надкушен. После чего, кивком головы, пригласила меня войти в образовавшееся треугольное отверстие.

Я ловким движением проскочил внутрь и обернулся. Она снова смотрела на меня с растянувшейся улыбкой, и судя по сжатым силой губам, едва сдерживая смех.

– Почему тебе так весело? – не удержавшись спросил я

– По этому, – Вика указала пальцем на мою спину. – Знаешь как со стороны забавно смотрится на широкой спине взрослого мужика маленький синий детский рюкзачок, украшенный цветочками. – После этих слов она ещё больше расплылась в улыбке, обнажив череду маленьких зубов, с выделяющимися клыками. И добавила, – я тебя не пристрелила ещё тогда на дороге только потому, что сидела в кустах и хихикала, не в силах толком прицелиться.

– Ну спасибо, – ответил без энтузиазма я. Но глядя как она довольно улыбается, решил подыграть и, поглаживая правой рукой левую ляжку своего рюкзака, добавил. – Раз уж он спас мне жизнь, теперь я с ним ни за что-о не расстанусь!

Вика после такого засмеялась в полный голос. Девушке хорошо и мне приятно.

– Так мне с ним можно не бояться всяких бандитов – начал фантазировать вслух я, – могу забежать в лагерь и пока те будут корчиться в припадках смеха, ограбить их и убежать, сверкая пятками... и цветочками.

Её смех после этого ещё больше усилился. А когда закончился, она подняла взгляд на меня и я увидел покрасневшее и довольное лицо.

– Используя тебя, как отвлекающий манёвр, если по нам начнут стрелять, – сказала она и зашагала в гору. – Пойдём уже.

– Ладно, – ответил я и стал карабкаться в след.

Склон тут был градусов в тридцать, не меньше. Мои старые кроссовки с гладкой протёртой подошвой, больше похожей на отполированную лыжню, то и дело соскальзывали по камням. А Вика браво шла вверх, виляя среди сосен и папоротников. Но вдруг остановилась возле какого-то небольшого куста, опустилась и начала что-то там искать. Мне только через несколько минут удалось её нагнать. Я тяжело дышал после крутого подъёма, а ладони были уже изрядно вымазаны в траве и мхе после частых падений. Новоиспеченная спутница сидела на земле возле того куста. А рядом с её ногой стоял зелёный рюкзак. Он был не большой в высоту, но имел здоровые карманы по бокам и с внешней стороны.

– Понесёшь, – сказала она, слегка пнув ногой в свою поклажу. – Ты же у нас мужчина.

И не дожидаясь моего согласия или отрицания, продолжила подниматься наверх. С одной стороны она права. Но с другой, я и без этого постоянно падал, не в силах удержаться на скользких камнях при таком склоне. Если бы идти по ровной дороге, то без проблем. Хотя спорить с человеком, у которого в руках ружье, не имея никаких весомых аргументов, было бесполезно. Я взял рукой за ляжку и потянул на себя, чуть не свалившись на него. Не ожидал, что рюкзак окажется таким тяжёлым. Там было килограмм двадцать. Водрузив тяжёлую ношу на одно плечо, я стал карабкаться наверх. Отяжелев, мне представлялось, что я буду падать ещё чаще. Но на деле оказалось по другому. Словно этот вес наоборот припечатывает меня к земле, не давая соскользнуть. Хотя без падений всё равно не обошлось. Вика находилась уже в метрах пятидесяти и едва замечалась в своём камуфляже на фоне зелёных листьев папоротников. А потом и вовсе исчезла из виду. Склон же становился всё более пологим. Но вот уставшим ногам казалось, что ничего не изменилось. Мне уже хотелось свалиться на землю, как лес расступился и я оказался на большой полянке. Она была покрыта наполовину пожелтевший травой и полностью освещена тёплым солнцем. Эта полянка, метров сто в диаметре

была вершиной горы. На самом пике стоял большой деревянный крест, два метра в высоту, покрытый белой краской. А перед ним на скамейке сидела, ожидавшая меня Вика. Я, словно бы открыв второе дыхание, доковылял до скамейки и с грохотом упал на неё, скинув оба рюкзака на землю.

– Всё, привал! – жадно вдыхая воздух, сказал я. – Мне нужно отдохнуть.

– Уморился, бедняжка, – слегка улыбаясь, сказала она и погладила меня по плечу, а после потянула ручки к моей поклаже. – Давай ка посмотрим, что там у тебя в твоём любимом рюкзаке.

– Мне больше интересно, чем набит твой. Кирпичи для строительства носишь?

– Нет, – положив себе на колени мой рюкзак, говорила она. – Там мешки с сахаром. Три штуки по пять килограмм.

– Зачем тебе столько? – спросил, не скрывая удивления, я.

– Вообще, варенье на зиму готовить. Да и просто, чай пить. Вон в той стороне мой дом, – Вика указала пальцем на едва заметную просёлочную дорогу, уходящую по склону вниз. – Сейчас посидим немного и пойдем.

– А зачем было тащить эти мешки сюда на гору? – возмутился я, ведь если мы поднялись с юга, то дорога вела на запад. – Не проще было по склону пройти и выйти вон там, ниже по дороге.

– А тут скамейка зато есть, – сказала она, введя в полный ступор и открыв синий рюкзачок, добавила. – Что тут у нас?

Я многострадально вздохнул не в силах что либо возразить на столь не разумный поступок, но решил всё свалить на эту непонятную женскую логику. Бессмысленную и беспощадную. А после уставился на крест. Православный дорожный крест. Может быть раньше к нему стягивались какие-то прихожане. Сидели здесь на лавке и молились богу. А теперь отдыхают два путника, возможно лишь с божьей помощью, спасшиеся от цепких когтей смерти, окутавшей многие десятки километров вокруг. Но одно я знал наверняка. Подобный крест обычно обращён своими сторонами чётко к краям света – югу, северу, западу и востоку. По солнцу я довольно быстро прикинул, что не ошибался в догадках, в каком направлении мы пришли сюда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.